

Пол Андерсон



ДОЛГАЯ
ДОРОГА ДОМОЙ

Мастера фантазии

Пол Андерсон

Долгая дорога домой

«Издательство АСТ»

1954, 1955

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Андерсон П. У.

Долгая дорога домой / П. У. Андерсон — «Издательство АСТ»,
1954, 1955 — (Мастера фантазии)

ISBN 978-5-17-139482-0

«Волна разума». Земле и всем разумным живым организмам, населяющим ее, грозит небывалая опасность: космическое излучение, воздействующее на нейроны мозга, заставляет мозг работать с небывалой интенсивностью, а значит, все здание мировой цивилизации неминуемо пошатнется. «Долгая дорога домой». Американские инженеры-астронавты середины ХХI века, совершив испытательный полет с новым двигателем, по возвращении домой удивлены тому, что очертания континентов на Земле изменились, и Солнце сдвинулось с привычного места... «Планета, с которой не возвращаются». Противоречия чуждых друг другу цивилизаций, загадки пропавшей экспедиции, правительственный заговор – и земляне, постепенно сбрасывающие с себя узы косного мышления и превращающиеся в настоящих первопроходцев.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-139482-0

© Андерсон П. У., 1954, 1955
© Издательство АСТ, 1954, 1955

Содержание

Волна разума	6
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Пол Андерсон

Долгая дорога домой (сборник)

Poul Anderson

BRAIN WAVE

PLANET OF NO RETURN (QUESTION AND ANSWER)

THE LONG WAY HOME

Печатается с разрешения литературных агентств The Lotts Agency и Andrew Nurnberg

© Poul Anderson, 1954, 1955



Школа перевода В. Баканова, 2022

© Перевод. К. Егорова, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

Пол Андерсон (1926–2001) – американский писатель-фантаст, лауреат 8 «Хьюго», 4 «Небьюла», 6 «Прометеев», а также других премий. Чрезвычайно плодовитый писатель – 7 десятков романов, множество повестей и рассказов, – он выдавал по 2–3 книги в год, причем область его творческих интересов практически безгранична: НФ, авантурные романы и детективы, переводы и переработки скандинавских саг.

Физик по образованию, Андерсон в своих произведениях также обращается к истории, социологии, антропологии. Приключения в космосе и странствия во времени, «оживление» мифов и альтернативная история, сочетающие авантурные перипетии сюжета с тонкими размышлениями о судьбах человечества...

Волна разума

Глава 1

Ловушка захлопнулась на заходе солнца. В красном закатном свете кролик колотился о ее стенки, пока страх, оцепенение и боль не взяли свое, после чего забился в угол, вздрагивая в такт трепыханиям собственного сердца. Взошла луна и сверкнула ледяным блеском в больших кроличьих глазах. Зверек посмотрел в сторону притаившегося в тени леса.

Зрение кролика плохо фокусировалось на близких предметах, однако через некоторое время его взгляд остановился на входе в ловушку. Когда он влез внутрь, дверца упала, с тех пор он только и делал, что до крови бился о деревянные стенки. Теперь же, продираясь сквозь неестественный белый туман лунного света, кролик постепенно извлек из памяти образ падающей заслонки и слабо пискнул от ужаса. Дверца была прямо перед носом – твердая и злоедающая, она отделяла кролика от дыхания леса, но он помнил, что раньше-то она была поднята и лишь потом со стуком опустилась. Эта двойственность между «раньше» и «сейчас» никогда прежде не посещала его разум.

Луна поднялась выше, прокладывая путь по небу, полному звезд. Заухала сова, кролик застыл, когда над головой прошелестели ее крылья. В голосе совы звучали страх и замешательство с нотками неожиданной боли. Сова улетела, кролика снова окружали лишь мелкие шорохи и ночные запахи. Он долго сидел и смотрел на дверцу, вспоминая, как та упала и отрезала путь к отступлению.

Луна тоже начала падать – на восточный край бледнеющего небосвода. Кролик даже немного по-кроличьи всплакнул. Рассвет или скорее наметившийся во мраке светлый туман обозначил решетку дверцы на фоне серых деревьев. В нижней части решетки обнаружилась перекладина.

Медленно, очень медленно кролик подобрался к самому выходу. Отнявшая свободу штуковина заставила его отпрянуть. От нее воняло человеком. Он тронул ее носом, ощущая мордочкой холод и росу. Дверца не сдвинулась с места. Но ведь раньше-то она двигалась!

Кролик сжался, уперся лопатками в перекладину. Поднапрягся, надавил снизу вверх – деревяшка дрогнула. Зверек задышал быстро и отрывисто, дыхание со свистом вырывалось сквозь зубы. Еще одна попытка... Заслонка по желобкам поехала вверх, и кролик выскочил на волю.

На мгновение он в ужасе замер. Глаза слепил свет заходящей луны. Дверца со стуком опустилась на прежнее место. Кролик повернулся и припустил в лес.

* * *

Арчи Брок припозднился, корчуга пни в сороковом секторе северной делянки. Мистер Россман хотел, чтобы работу закончили к среде и начали распашку нового поля. Если Арчи уложится в срок, мистер Россман обещал заплатить сверх нормы. Брок захватил с собой ужин и продолжал работать дотемна. А закончив работу, двинулся домой пешком – джип или пикап ему не доверяли.

Он даже не заметил усталости, хотя все мышцы ныли – сейчас бы большую кружку холодного пива. К проселку с обеих сторон подступал темный лес, отбрасывающий длинные тени на белесую под светом луны пыль. Стрекотали сверчки, где-то один раз ухнула сова. Надо бы

взять ружье и подстрелить ее, пока не перетаскала всех цыплят. Мистер Россман не возражал против охоты.

Что-то много сегодня приходит на ум всяких мыслей. Обычно Арчи выполнял свою работу бездумно, особенно когда сильно уставал – как сегодня. Может, все дело в луне? То и дело вспоминалась всякая всячина, слова сами по себе возникали в голове, как будто за него их говорил кто-то другой. Он думал о постели и о том, как было бы хорошо возвратиться домой на машине, а не пешком, вот только за рулем он терялся и попадал в переделки. Даже странно, почему так получалось, – вождение машины больше не казалось ему большой премудростью, достаточно запомнить несколько дорожных знаков, смотреть в оба – вот и все дела.

Тишину нарушали только его собственные глухие шаги. Арчи набрал полные легкие прохладного ночного воздуха и, задрав голову, посмотрел на ту часть неба, где не было луны. Какие большие и яркие звезды.

Нахлынуло еще одно воспоминание. Кто-то когда-то сказал ему, что любая звезда – это то же солнце, только расстояние до нее намного дальше. В тот раз он ничего не понял. А что, если правда? Издалека костер тоже кажется точкой, но стоит подойти ближе... Если звезды действительно похожи на солнце, они должны быть страшно далеко.

Спина похолодела. Господи Иисусе! Как далеки эти звезды!

Земля словно уплыла из-под ног, Арчи отчаянно вцепился в крохотный каменный шарик, вращающийся в безбрежной тьме. Над ним пылали и с ревом проносились по небу звезды невероятных размеров – так высоко, что он заскулил от сознания собственного ничтожества.

И бросился наутек.

* * *

Мальчик проснулся рано несмотря на лето, школьные каникулы и на то, что завтрак был еще не скоро. Под лучами утреннего солнца улица и город за окном выглядели очень чистыми и яркими. По улице протарахтел одинокий пикап, к маслобойне прошел мужчина в синей спецовке с обеденным судком в руках. Вокруг царили тишина и покой. Отец мальчика ушел на работу, мать любила, приготовив завтрак, подремать, сестренка тоже еще не поднималась, мальчика в доме никто не беспокоил.

Скоро они с другом пойдут на рыбалку, а до тех ему хотелось поработать над моделью самолета. Он умылся со всем тщанием десятилетнего мальчишки, схватил из хлебницы булочку и вернулся в свою комнату к захламленному столу. Самолет должен был выйти на славу – «Метеор» с баллончиком сжатого углекислого газа вместо двигателя. Но почему-то в это утро модель больше не казалась такой уж классной, как вчера. Эх, если бы приделать к самолету настоящий реактивный двигатель...

Мальчик со вздохом отодвинул неоконченную модель и взял лист бумаги. Он всегда любил играть с цифрами. Один из учителей показал ему алгебраические уравнения. Некоторые одноклассники обзывали его учительским сыном, пока мальчик их не поколотил, но ему действительно было интересно – это тебе не таблицу умножения зубрить. В алгебре цифры и буквы можно заставить что-то делать. По словам учителя, для того, чтобы вырасти и строить космические корабли, нужно знать уйм математики.

Мальчик начертил несколько графиков. Разные уравнения давали разную картинку. Интересно же: $x = ky + c$ — всегда прямая, $x^2 + y^2 = c$ — всегда окружность. А что, если сделать один из иксов равным 3, а не 2? Что тогда произойдет с игреком? Раньше это не приходило ему в голову!

Высунув язык, он покрепче ухватил карандаш. Надо подкрасться к иксу и игреку, немножечко поменять один из них, и тогда...

Мальчик почти изобрел дифференциальное исчисление, но тут мама позвала его завтракать.

Глава 2

Все еще распевая во весь голос, Питер Коринф вышел из душа. Шейла жарила яичницу с беконом. Он взъерошил короткие каштановые волосы жены, поцеловал ее в шею, она с улыбкой обернулась.

– Божественно прелестна и готовит как Бог, – похвалил он.

– Ты что, Пит? Ты никогда раньше...

– Не находил нужных слов, – договорил он за нее. – Но это святая правда, дорогая моя.

С довольным вздохом он наклонился над сковородой и втянул ноздрями манящий запах.

– У меня такое чувство, что сегодня один из тех дней, когда все пойдет как по маслу. За мой хюбрис боги, несомненно, натравят на меня Немесиду. И Ату: шалава Герти опять сломается. Но с тобой мне все нипочем.

– Хюбрис, Немесида, Ата... – На чистом лбе Шейлы обозначилась легкая складка. – Ты не первый раз произносишь эти слова, Пит. Что они значат?

Питер зажмурился. За два года после свадьбы он ни капли не разлюбил жену, однако, глядя на нее, ощущал стеснение в сердце. Шейла добра, жизнерадостна, красива и умела хорошо готовить, но совершенно невежественна. Когда к нему в гости приходили друзья, жена тихонько сидела в уголке и не принимала участия в разговорах.

– Зачем тебе знать? – ответил он вопросом на вопрос.

– Просто интересно.

Он прошел в спальню и начал одеваться, приоткрыв дверь, чтобы объяснить жене основы древнегреческой трагедии. Утро выдалось слишком солнечным для разговоров на такую тему, тем не менее Шейла слушала внимательно, изредка задавая вопросы. Когда он вышел, жена, улыбаясь, двинулась ему навстречу.

– Мой дорогой неуклюжий физик, – сказала она. – Среди всех, кого я знала, ты единственный, кто способен надеть костюм сразу после химчистки и выглядеть так, словно чинил в нем машину.

Она поправила галстук мужа и разгладила помятый костюм. Питер запустил пятерню в черные волосы, немедленно придав им прежний растрепанный вид, и присел за столик на кухне. Струя пара из кофейника затуманила стекла очков, он снял их и протер галстуком. Без очков его чистое лицо со сломанным носом выглядело иначе – моложе и ближе к реальному тридцатитрехлетнему возрасту.

– Открытие пришло мне в голову, когда я просыпался, – сообщил он, намазывая тост маслом. – Все-таки подсознание у меня хорошо натаскано.

– Ты нашел решение своей проблемы?

Питер кивнул, он был слишком занят собственными мыслями, чтобы обратить внимание на значимость вопроса. Обычно жена отправляла его на работу, впопад отвечая «да» и «нет» и не особо прислушиваясь к тому, о чем он говорил. Для нее работа мужа представляла собой полнейшую загадку. Ему иногда казалось, что она живет в детском мире, полном малопонятных, зато ярких и необычных вещей.

– Я пытался создать анализатор фазовых шумов для межмолекулярных резонансных связей в кристаллических структурах. Н-да, неважно. Дело в том, что последние несколько недель я пытался рассчитать схему, которая делала бы то, что мне нужно, и зашел в тупик. А сегодня утром проснулся с рабочей идеей в голове. Посмотрим...

Глаза Питера уставились в пространство; он жевал пищу, не ощущая вкуса. Шейла ласково усмехнулась.

– Сегодня я могу задержаться допоздна, – сказал он с порога. – Если новая идея даст желаемый результат, буду торчать на работе до... бог знает, до какого часа. Короче, позвоню.

– Хорошо, милый. Возвращайся с добычей.

Когда муж ушел, Шейла некоторое время стояла, улыбаясь ему вслед. Пит такой... да что там, ей просто повезло! Раньше она не особо задумывалась, какое счастье ей привалило, но сегодняшнее утро было каким-то особенным, полным четкой резкости и прозрачности, как воздух в Западных горах, куда так любил ездить муж.

Напевая вполголоса, Шейла помыла посуду и навела порядок в квартире. Воспоминания пробегали в голове, как кадры кинофильма, – девичьи годы в маленьком пенсильванском городке, бизнес-колледж, переезд в Нью-Йорк несколько лет назад и работа клерком в конторе, принадлежащей друзьям родителей. Господи, как мало она была приспособлена к такой жизни! Одна вечеринка за другой, один бойфренд за другим, все бойкие на язык, порывистые в движениях, напускная крутизна, всезнайство. Среди одетой в дорогие шмотки и оборотистой толпы постоянно приходилось держать ухо востро. Правда, за Пита она выскочила замуж назло Биллу, который обозвал ее душой, – ну да ладно.

Ей всегда нравился этот спокойный, застенчивый мужчина, и сбежала она к нему от всей прошлой жизни в целом.

Жизнь стала скучной, мысленно сказала она себе, *и я этому рада*. Размеренная жизнь домохозяйки, никаких выдающихся событий, разве что встречи с друзьями и разговоры под пиво, редкий визит в церковь, пока неверующий Пит дрыхнул поутру, отпуск в Новой Англии или в Скалистых горах, планы в скором времени завести ребенка – чего еще желать? Прежние ее друзья всегда поднимали на смех типичную скуку мещанского прозябания, но, если разобраться, они всего лишь променяли одну рутину с набором броских штампов на другую, попутно потеряв связь с реальностью.

Шейла озадаченно тряхнула головой. Грезить наяву она не привыкла. Собственные мысли казались ей чужими.

Она закончила работу и осмотрелась вокруг. Обычно она немного отдыхала до обеда, читая детективы – единственное чтение, к которому питала слабость, после этого ездила за покупками, иногда гуляла в парке, встречалась дома или в гостях с подругами, после чего готовила ужин и ждала с работы мужа. Однако сегодня...

Шейла взяла новый детектив, который собиралась прочесть. На мгновение задержала пеструю обложку в руках, оставалось только сесть и приступить к чтению. Вместо этого, покачив головой, она отложила книгу, подошла к переполненному книжному шкафу, взяла с полки любимый Питом потрепанный экземпляр «Лорда Джима» и вернулась в кресло. Когда она вспомнила про обед, полдень давно миновал.

* * *

Коринф встретил Феликса Мандельбаума в спускающемся лифте.

Обычно соседи в многоэтажках Нью-Йорка близкими друзьями не становятся. Выросшая в маленьком городе Шейла настояла на том, чтобы познакомиться хотя бы с жильцами на своем этаже, и Питер был искренне рад, что поддался на уговоры. Жена Феликса Сара была пышнотелой, спокойной, склонной к затворничеству хаусфрау, приятной на вид, но не броской. Ее муж, однако, был сделан совсем из другого теста.

Феликс Мандельбаум родился пятьдесят лет назад в шуме и грязи подпольных потогонных мастерских Нижнего Ист-Сайда. С тех пор жизнь нещадно его пинала, а он весело в ответ отбрыкивался. Кем только ему не приходилось быть: сезонным сборщиком овощей, искусным

механиком и даже заграничным агентом УСС¹ во время войны – видимо, пригодилось его знание языков и людей. Параллельно выстраивал карьеру в профсоюзах – от Индустриальных рабочих мира в прошлом до относительно уважаемой нынешней должности, официально – ответственного секретаря местного профсоюза, неофициально – шустрого решала, имеющего значительный вес в национальном совете. Он перестал быть радикалом еще в двадцатилетнем возрасте. Говорил, что насмотрелся на радикализм изнутри, и этого хватило бы любому вменяемому человеку. Наоборот, Феликс считал себя одним из последних истинных консерваторов. Учился всему сам, но имел обширные познания. По степени приспособленности к жизни Феликс не уступал ни одному человеку в окружении Коринфа – разве что Нату Льюису. Любопытный факт.

– Привет! – поздоровался физик. – Поздновато сегодня.

– Не совсем. – Мандельбаум, как типичный житель Нью-Йорка, говорил жестко, быстро и отрывисто. Это был маленький, жилистый, седой человечек с узловатым лицом, большим носом и пронзительными черными глазами. – Мне приснилась идея, план реорганизации. Поразительно, как до этого никто до сих пор не додумался. Бумаготворчество можно сократить наполовину. С утра рисовал график.

Коринф уныло покачал головой.

– Феликс, ты достаточно прожил, чтобы знать: американцы обожают бумаготворчество и зубами будут держаться за каждую бумажку.

– Ты еще европейцев не видел, – буркнул Мандельбаум.

– Заешь, очень странно, что идея пришла тебе в голову именно сегодня утром. Кстати, напомни потом, чтобы я не забыл спросить о подробностях. Я и сам проснулся с готовым решением проблемы, мучившей меня несколько месяцев.

– Да? – Мандельбаум ухватился за новость, повертел ее в воображаемых руках, обнюхал и отложил в сторону. – Действительно странно.

Значит, не заинтересовался.

Лифт остановился, и приятели разошлись в разные стороны. Коринф по обыкновению отправился на работу подземкой. Свою старую машину он продал, новую так и не купил. В этом городе держать автомобиль не имело смысла. В вагоне стояла непривычная тишина. Люди меньше торопились и грубили, словно пребывали в задумчивости. Коринф, похолодев, взглянул на заголовки газет – неужели началось? – однако газеты не писали ни о чем из ряда вон выходящем, за исключением заметки о собаке, которую посадили на ночь в подвал. Она каким-то образом открыла морозильник, вытащила мясо и дала ему оттаять. Когда за ней пришли, собака лежала довольная с набитым пузом. В остальном все как обычно: боевые действия в разных уголках мира, забастовка, демонстрация коммунистов в Риме, четверо погибших в автокатастрофе – как будто типографские станки задались целью выжать кровь из каждого печатного слова.

Выйдя в Нижнем Манхэттене, Коринф, чуточку хромя, прошел пешком три квартала до Института Россмана. Много лет назад произошел несчастный случай – Питер сломал нос и повредил правое колено, что избавило его от призыва в армию. Хотя, возможно, сыграло роль и то, что сразу же после окончания колледжа его направили в Манхэттенский проект.

Питер поморщился вслед ускользающему воспоминанию. Хиросима и Нагасаки по-прежнему тяжким грузом висели на его совести. Он уволился сразу же после окончания войны. И не только для того, чтобы возобновить учебу, избавиться от бюрократических рогадок и сомнительного ореола таинственности государственного научного работника или выбрать бесцветную, малооплачиваемую университетскую карьеру – он бежал от чувства вины. После увольнения участвовал во всяких акциях – «Ученых-атомщиков», Всемирного движе-

¹ УСС (Управление стратегических служб) – первая объединенная разведывательная служба США, предшественник ЦРУ.

ния федералистов, Прогрессивной партии... Размышляя о том, как все они увяли или были преданы, вспоминая стереотипы, которыми, как щитом, закрывались от оскала Советов, очевидного для всех, у кого имелись глаза, он порой задавался вопросом: а в здравом ли уме были все эти левые профессора?

Да вот только, если взять его нынешний уход в академическую науку и политическую апатию с голосованием за сникших демократов – разве это можно назвать сбалансированной позицией? Натан Льюис, честно признававший себя реакционером, заседал в местном комитете республиканцев и слыл бодрим пессимистом, все еще пытающимся что-то спасти. Феликс Мандельбаум, не меньший реалист, чем его партнер по шахматам и мужским разговорам Льюис, выказывал больше надежд и энергии, чем Пит, и даже мечтал о создании настоящей американской Лейбористской партии. На их фоне Питер Коринф совершенно терялся.

А ведь я моложе их обоих!

Он вздохнул. Что с ним происходит? Ниоткуда накатывают мысли, полузабытые воспоминания. Соединяются в цепи, грохочущие в голове. Причем сразу после того, как нашлось решение проблемы.

Последнее соображение вытеснило все остальные.

Институт Россмана, коробка из стекла и бетона, занимал полквартиры и сиял среди старых развалюх. Он считался раем для ученых. Одаренные люди любых специальностей стекались сюда со всех уголков страны – не столько ради хорошего заработка, сколько ради возможности беспрепятственно заниматься исследованиями по личному выбору, первоклассного оборудования и отсутствия бюрократизма – болезни, удушающей чистую науку в госучреждениях, промышленности и многих университетах. Конечно, и здесь не обходилось без интриг и демагогии, но было меньше крючкотворства и больше энергии. В разговоре с Мандельбаумом Льюис однажды назвал институт культурным оправданием запроса на существование привилегированного класса.

– Ты думаешь, правительство разрешило бы создать такую контору – а после оставило бы ее без присмотра?

– Брукхейвен как-то живет, – ответил Мандельбаум, однако по его меркам ответ получился слабоватым.

В вестибюле Коринф кивнул девушке в газетном киоске, махнул рукой знакомым, что-то раздраженно пробурчал по поводу медлительности лифта.

– Седьмой, – бросил он не глядя, когда лифт, наконец, прибыл.

– Я помню, доктор Коринф, – улыбнулся лифтер. – Вы у нас проработали... сколько уже? Почти шесть лет, правильно?

Физик растерянно заморгал. Лифтер всегда был для него придатком машины, дальше обмена пустыми любезностями разговоры с ним не заходили. Неожиданно Коринф увидел в лифтере человека – живое, неповторимое существо, в котором билось свое собственное сердце, часть огромной безликой паутины, которая в свою очередь была частью вселенной. *С чего*, удивился он, *я вдруг это подумал?*

– Так и есть, шесть лет, – покачал головой лифтер. – Сегодня утром я проснулся и вдруг подумал: ради чего я это делаю? Что мне нужно от жизни помимо работы, пенсии и...

Он сконфуженно замолчал, когда лифт остановился и выпустил пассажира на третьем этаже.

– Я вам завидую. У вас есть цель.

Кабина подошла к седьмому этажу.

– Вы могли бы... э-э... записаться на какой-нибудь вечерний курс, – предложил Коринф.

– Я, пожалуй, так и сделаю, сэр. Вы бы не порекомендовали... А-а, ладно. Не сейчас.

Двери кабины бесшумно закрылись. Коринф направился по твердому мраморному полу к своей лаборатории.

Ему помогали два постоянных сотрудника – Йохансон и Грунвальд, два ретивых парня, вероятно, мечтающие когда-нибудь, как он, стать завлабами. Когда Питер вошел и снял пальто, оба уже были на месте.

– Доброе утро!

– Здрасьте...

– Здрасьте...

– Я тут подумал, Пит, – неожиданно подал голос Грунвальд, когда начальник уже подходил к своему рабочему столу. – Есть одна мыслишка, как сделать, чтобы схема заработала.

– И ты, Брут, – пробормотал Коринф. Он присел на табуретку, согнув пополам длинные ноги. – Валяй.

Придумка Грунвальда оказалась на удивление похожей на его собственную. Грамотный, но обычно молчаливый Йохансон азартно подбрасывал приходявшие по ходу мысли. Коринф взял на себя роль арбитра, и через полчаса они исписали несколько листов загадочными электронными терминами.

Россман, возможно, учреждал институт не совсем бескорыстно, однако человек с банковским счетом, как у него, мог себе позволить альтруизм. Чистая наука помогала промышленности. Основатель института сделал состояние на легких металлах – полном производственном цикле от добычи небогатой руды до выпуска готовой продукции и перекрестных связях с десятками других видов деятельности. Объявив, что практически отошел от дел, он по-прежнему не выпускал бразды правления из своих изящных тонких пальцев. Даже бактериология могла неожиданно принести пользу – не так давно был выполнен проект по добыче нефти из сланцев с помощью бактерий, а работы Коринфа по изучению межкристаллических связей могли пригодиться металлургам. Грунвальд заранее торжествовал, предвкушая, насколько успех повысит их профессиональную репутацию. Еще до обеда они набросали серию дифференциальных уравнений в частных производных, чтобы загрузить их в компьютер в отведенное машинное время, и принялись чертить элементы желаемой схемы.

Зазвонил телефон – Льюис предлагал вместе пообедать.

– Я напал на горячий след, – сказал Коринф. – Лучше попрошу принести наверх сэндвичи.

– Ну, я тоже либо напал на след, либо плыву к водопаду без весла. Пока не уверен, что из двух. Ты бы мне помог, если бы покритиковал мои задумки.

– Хорошо-хорошо. Кафетерий сойдет?

– Если готов набить брюхо всякой дрянью, то да.

Льюис устраивал себе трехчасовые ланчи с вином и скрипками, эту привычку он завел, еще живя в Вене до аншлюса.

– В час устроит? К этому времени батраки уже наедятся.

– Лады. – Коринф повесил трубку и вновь с головой погрузился в спокойную радость работы. Когда он снова взглянул на часы, они показывали полвторого. Выругавшись, он побежал в кафе.

Возвращаясь с подносом, Коринф увидел, что Льюис только-только опускался за столик.

– Судя по твоему ответу, я сообразил, что ты опоздаешь, – сказал тот. – Ты что себе взял? Обычное меню этого кафе? Мыши, утопленные в молоке, филе морского ежа, жареные... ладно, черт с ним.

Льюис отхлебнул кофе и поморщился. На неженку он был не похож: короткая квадратная фигура, сорок восемь лет, немного располневший и полысевший, острый взгляд из-за толстых очков без оправы. Он всегда был душой компании за столом или в салуне. Однако восемь лет, проведенные в Европе, изменят чей хочешь вкус – Льюис оправдывался, что наносит послевоенные визиты в Европу исключительно по гастрономическим соображениям.

– Тебе надо жениться, – заявил Коринф с самодовольством перекованного холостяка.

– Я тоже так думал, когда покончил с моей беспутной молодостью. Но потом... а-а, неважно. Теперь уже поздно.

Льюис принялся кромса́ть тонкий стейк. Прилагательное «тонкий» он всегда произносил таким тоном, словно оно означало «крохотный» – и, жуя, нахмурился.

– Меня сейчас больше интересует гистологическая сторона биологии.

– Ты говорил, у тебя неприятности...

– В основном с ассистентами. Сегодня все какие-то нервные, а юный Робертс выдвигает идеи безумнее обычного. Ничего, это часть моей работы. Я уже говорил, да? Я изучаю нервные клетки, нейроны. Пытаюсь сохранить их жизнеспособность в различных искусственных средах и установить, как в зависимости от условий изменяются их электрические свойства. Сейчас рассматривал отсеченные участки тканей – по методу Линдберга-Карреля с некоторыми поправками. Все шло хорошо, а сегодня обычная контрольная проверка вдруг дает иной результат. Я проверил образцы – они изменились!

– Гм. – Коринф вскинул брови и некоторое время жевал молча. – Что-нибудь не так с приборами?

– Все, как обычно, за исключением самих клеток. Сдвиг небольшой, но заметный. – Льюис, возбуждись, сбился на скороговорку. – Ты в курсе, как работают нейроны? Как цифровая ЭВМ. Их возбуждает... э-э... раздражитель, он посылает сигнал, после чего нейрон короткое время пребывает в состоянии покоя. Следующий нейрон принимает сигнал, передает его дальше и сам на какое-то время отключается. Ну вот, а сегодня все вверх тормашками. Период покоя сократился на несколько микросекунд и... скажем, вся система реагирует быстрее обычного. Интенсивность сигналов тоже увеличилась.

Коринф быстро прокрутил в голове информацию, потом еще раз – медленнее.

– Похоже, вы на пороге большого открытия.

– Да, но в чем причина? Я же тебе говорю: среда, аппаратура – все такое же, как вчера. Я чуть не рехнулся, пытаюсь выяснить, то ли мне подавать заявку на Нобелевку, то ли метод слишком сырой!

Очень медленно, словно его разум отшатывался от смутной догадки, Коринф произнес:

– Как странно, что все это произошло сегодня.

– То есть? – Льюис пристально посмотрел на него.

Коринф рассказал ему о собственных находках.

– Очень странно, – согласился биолог. – И гроз последнее время не было. Озон стимулирует мозг, но мои культуры запечатаны в стеклянных колбах.

В глазах Льюиса мелькнул огонек.

Коринф оглянулся.

– Привет, а вот и Хельга! Интересно, что ее задержало?... Эй, мы здесь!

Он поднялся и помахал рукой. Хельга Арнульфсен, держа перед собой полный поднос, повернула к их столику и присела на свободное место.

Это была высокая, стройная, красивая женщина, длинные светлые волосы уложены в плотный узел на гордо поднятой голове, однако что-то в ее повадках – равнодушная сила, холодность или неженственная отточенность речи и костюма – нивелировали ее привлекательность. «А Хельга изменилась», – подумал Коринф. После войны он готовился к сдаче докторской в Миннесоте, где она изучала журналистику, и они неплохо проводили время вместе, но он был слишком тяжел на подъем, слишком влюблен в свою работу и другую девушку, чтобы строить на Хельгу какие-то серьезные планы. Потом они переписывались, Коринф добыл ей место секретарши в институте. За два года Хельга дослужилась до должности главного секретаря-референта и хорошо с ней справлялась.

– Ф-фу! Ну и денек! – Женщина пригладила волосы сильной тонкой кистью, устало улыбнулась. – У всех на свете сегодня какие-нибудь проблемы, и все бегут ко мне. «Герти» закатила истерику...

– Да ну? – Во взгляде Коринфа отразилось смутное. Он рассчитывал загрузить свои уравнения в большую вычислительную машину еще до окончания дня. – Что с ней?

– Это только Богу и самой «Герти» известно. Оба не признаются. Алланби сегодня утром проводил проверку программы, получил ошибочный результат. Отклонение не слишком сильное, но достаточно заметное, чтобы подставить ножку любому, кому нужен точный ответ. С утра ковыряется в ней, пытаясь найти неполадку, – пока что безуспешно. А мне приходится перекраивать все графики.

– Очень странно, – пробормотал Льюис.

– Вдобавок разные приборы, особенно в отделах физики и химии, начали сходить с ума. Поляриметр Мерчисона показал погрешность в... ой, не знаю, нечто ужасное вроде одной десятой процента.

– Вот как? – Льюис подался вперед, выдвинув нижнюю челюсть. – Может, не в нейронах дело, а приборы шалят?.. Но не настолько же. Что-то происходит в самих клетках, вот только как это измерить, если все устройства врут?

Он разразился длинным немецким ругательством, однако его глаза по-прежнему горели.

– Много ребят одновременно вдруг разродились смелыми новыми проектами, – продолжала Хельга. – Срочно подавай им большие игрушки вроде центрифуги, у них крышу срывает, когда я прошу их дождаться своей очереди.

– И все это сегодня, да? – Коринф отодвинул десерт и достал сигарету. – Все чудесатее и чудесатее, как говорит Алиса. – Его зрачки расширились, рука со спичкой дрожала мелкой дрожью. – Нат, мне кажется...

– Что это всеобщее явление? – Льюис кивнул, с трудом сдерживая возбуждение. – Не исключено. Следовало бы уточнить.

– О чем вы? – спросила Хельга.

Коринф, пока она ела, объяснил.

Льюис, откинувшись назад и погрузившись в собственные мысли, спокойно пускал клубы дыма.

– Хм, – Хельга постучала по столу длинным ногтем без маникюра. – Интересненько. Значит, все нервные клетки, в том числе клетки нашего мозга, вдруг стали работать быстрее?

– Бери глубже, – поправил Коринф. – Что-то произошло... с чем? Электрохимическими явлениями? Кто знает. Не стоит перескакивать на частности, пока мы не разобрались с главным.

– Верно. – Она тоже достала сигарету и глубоко затянулась. – Мне навскидку приходят в голову несколько вещей, которые стоит проверить, но это по твоей епархии. – Хельга улыбнулась Коринфу ласковой улыбкой, которую приберегала только для близких друзей. – Кстати, как там Шейла?

– А-а, все хорошо. Сама как?

– Нормально.

От ответа веяло апатией.

– Приходи как-нибудь в гости на ужин. – Поддержание вежливой беседы давалось ему с трудом, разум рвался вонзить зубы в новую проблему. – Ты давно у нас не была. Если хочешь, бери нового бойфренда.

– Джима? Я его бросила на прошлой неделе. Но я, конечно, приду. – Хельга поднялась. – Назад на галеры, друзья. Пока.

Коринф проводил ее взглядом до стойки кассира. Почти против воли – мысли сегодня разбегались во все стороны – он пробормотал:

– Удивительно, почему с ней никто не задерживается. Хороша собой, умна.

– Сама не хочет, – бросил Льюис.

– Да, пожалуй. Как-то она растеряла живость с тех пор, как я познакомился с ней в Миннеаполисе. Почему, спрашивается?

Льюис пожал плечами.

– Сдается мне, ты знаешь почему. Ты всегда понимал женщин лучше, чем тебе полагаются. И по-моему, ты ей нравишься.

– И она, и я любим музыку, – сказал Льюис. По его мнению, настоящую музыку перестали писать с 1900 года. – И оба умеем помалкивать.

– Хорошо-хорошо. – Коринф рассмеялся и встал из-за стола. – Я назад, в лабораторию. Жаль, что придется отложить анализатор фазовых шумов, но новое явление... Давай позовем других и распределим задачи, а? Пусть каждый что-нибудь проверяет. Быстрее управимся.

Льюис коротко кивнул и пошел за ним к выходу.

К вечеру поступили первые результаты. При виде цифр Коринф почувствовал, как любопытство вытесняет холодок ужаса. Он вдруг ощутил себя ничтожной козявкой.

Электромагнитные показатели действительно изменились. Сдвиг был невелик, но тот факт, что якобы неизменные постоянные физического мира вдруг поменялись, сам по себе мог превратить в прах сотни основополагающих концепций. Исключительность проблемы заключалась в том, что она возникла на элементарном уровне. Как прикажете измерять фундаментальные состояния, если ваши измерительные приборы уже не те, что прежде?

И все-таки кое-какие способы были им известны. Во вселенной нет ничего абсолютного, все существует относительно всего остального, но главное, что изменились только некоторые величины, в то время как другие остались прежними.

Задача Коринфа заключалась в расчете электрических постоянных. У металлов этот показатель остался таким же, как раньше, зато удельное сопротивление и диэлектрическая проницаемость изоляторов ощутимо изменились – их токопроводящие свойства несколько улучшились. На точную аппаратуру, такую как вычислительная машина «Герти», смещение электромагнитных характеристик не возымело заметного эффекта. Однако для человека самым сложным и тщательно сбалансированным механизмом является живая клетка. А нейроны – наиболее развитые и специализированные из всех клеток, особенно тот их вид, который обретается в коре головного мозга. На них перемена повлияла существенно. Крохотные электрические импульсы, отвечающие за работу нейронов, – внимание, двигательные реакции и само мышление – стали сильнее и передавались быстрее.

Причем изменения еще не закончились.

– Надо выпить, – поежилась Хельга. – Срочно.

– У меня есть на примете один бар, – предложил Льюис. – Я схожу с тобой, потом вернусь на работу. А ты как, Пит?

– Я – домой. Желаю хорошо повеселиться, – вяло отозвался физик.

Он вышел из института, не замечая, что час уже поздний и в вестибюле выключили свет. Для других ученых открытие было ярким, новым и чудесным событием, а он не мог отвязаться от мысли о вселенной, которая одним размашистым беспечным движением вот-вот погасит жизнь на Земле, как свечу. Как все это скажется на живых организмах?

На данный момент они сделали все, что было в их силах. Проверили все, что можно было проверить. Хельга оповестила Бюро стандартов в Вашингтоне. Со слов своего визави она поняла, что другие лаборатории, разбросанные по всей стране, тоже сообщали об аномалиях. *Завтра, подумал Коринф, о них услышат все.*

На улице мало что изменилось, разве было чуть тише, чем обычно. Коринф купил на углу газету и просмотрел ее, не сходя с места. Показалось? Или действительно в текст вкрались трудно уловимые изменения, фразы стали более грамотными, и что-то личное прорывалось

сквозь редакторские заслоны, потому что изменения затронули и самого ничего не подозревающего редактора? О великих переменах, слишком больших и слишком новых, пока ничего не писали, выбор тем оставался прежним: войны, беспорядки, подозрения, страх, ярость, жадность – судороги больного мира.

До Коринфа вдруг дошло, что всю плотно набитую информацией первую полосу «Таймс» он прочитал за каких-то десять минут. Он сунул газету в карман и поспешил к станции подземки.

Глава 3

Проблемы валились со всех сторон сразу. Утром негодующий крик заставил Арчи Брока бежать к курятнику, где Стан Уилмер, опустив ведро с кормом на землю, грозил кулаком небесам.

– Ты только глянь! – вопил он. – Только глянь!

Брок заглянул через порог и присвистнул. В курятнике царил кромешный хаос. На соломе валялись несколько окровавленных куриных тушек, еще несколько кур нервно кудахтали на насесте – и все. Остальные куры пропали.

– Похоже, лисы забрались, потому что кто-то забыл закрыть дверь, – предположил Брок.

– Ага! – Уилмер чуть не подавился яростью. – Вонючий сукин сын...

Брок вспомнил, что за курятник вообще-то отвечал Уилмер, и вовремя прикусил язык. Тот вспомнил об этом сам и, нахмурившись, умолк.

– Не знаю, – процедил Уилмер, – вчера вечером я как обычно перед сном все тщательно проверил. Клянусь, дверь была закрыта на крючок, как положено. Пять лет здесь работаю, и ни одной оплошности.

– Может, дверь ночью открыл кто-то другой?

– Ну да. Курокрад. Только странно, почему собаки не залаяли. Такого еще не было, чтобы они не гавкали на чужих. – Уилмер горестно пожал плечами. – Но кто-то же ее открыл.

– А лисы пришли потом. – Брок перевернул мертвую курицу носком ботинка. – Может быть, вору пришлось удирать, когда собаки почуяли его и прибежали, и он побросал кур.

– Почти весь курятник разбежался. Пока соберу их по лесу, целая неделя пройдет. Если еще найду целыми. Вот Иуда!

Уилмер выскочил из курятника, оставив дверь открытой. Брок закрыл ее вместо него, слегка удивившись, что сообразил сделать это так быстро. Он вздохнул и вернулся к утренним обязанностям. Все животные были сегодня как на иголках. И с чертовой головой творилось что-то неладное. Брок вспомнил, какая паника охватила его сутки с небольшим назад, и какой странный оборот с тех пор принимали мысли. Может, в здешних местах объявилась неизвестная лихорадка?

Ладно, об этом можно и потом спросить. Сегодня ему предстояла новая работа – распахка сороковой делянки, где он давеча корчевал пни. Все трактора отправлены на культивацию, придется запрягать лошадей.

Ничего страшного. Брок любил животных, всегда понимал их и ладил с ними лучше, чем с людьми. Нельзя сказать, что люди его обижали – эти времена давно прошли. Когда он был ребенком, его дразнили другие дети, потом возникли проблемы с вождением машины, и с девушками тоже – парочку он перепугал, а брат одной из них его поколотил. Но все это было много лет назад. Мистер Россман подробно объяснил ему, что можно, а чего нельзя, взял его, образно говоря, под крыло, и с тех пор жизнь наладилась. Теперь, приехав в районный город, Брок мог зайти в трактир, заказать, как все остальные, пиво, и мужики с ним здоровались.

Он на минуту остановился, удивляясь, зачем об этом думает – ведь он и так все это знает, и почему воспоминания вызывают душевную боль там, где ее раньше не было. *У меня все*

хорошо. Может быть, я не так умен, зато я сильный. Мистер Россман говорит, что лучшего работника для фермы, чем я, еще поискать.

Брок пожал плечами и пошел в сарай за лошадьми. Он был молод, среднего роста, плотно сбит и мускулист, с грубыми чертами лица и круглой, коротко остриженной рыжей головой. Одежда из джинсы поношенная, но чистая. О подобных вещах заботилась миссис Берген, жена управляющего, в чьем доме ему выделили комнату.

В сарае было просторно и сумрачно, в воздухе прямо пахло сеном и конским потом. Пока Брок надевал на лошадей сбрую, могучие першероны беспокойно били копытами и фыркали. Странно. Раньше они вели себя тихо.

– Спокойно, спокойно, паря. Тихо, Том. Тпру, Джерри.

Лошади немного успокоились. Он вывел их из сарая, привязал к столбу и вернулся за плугом.

Пес Джо, рослый ирландский сеттер, чья шкура отливала на солнце золотом и медью, весело прыгал вокруг хозяина. Вообще-то хозяином Джо был мистер Россман, но Брок ухаживал за псом, когда тот был еще щенком, и с тех пор Джо привязался к Арчи, везде ходил за ним по пятам и любил его.

– Сядь, говорю. Сидеть! Какая муха тебя укусила? Ты успокоишься или нет?

Вокруг зеленела усадьба, с одной стороны – ферма с ее постройками, с другой – россыпь коттеджей работников, за ними – обширный лес. Пространство между фермой и большим белым домом владельца усадьбы занимали широкие лужайки, фруктовый сад и огороды. Дом по большей части пустовал с тех пор, как дочери мистера Россмана вышли замуж, а жена умерла. Но сейчас хозяин жил в доме – приехал провести пару недель наедине со своими цветами. Брок недоумевал – зачем миллионеру самому возиться с розами, тем более в немолодом возрасте?

Ворота сарая со скрипом открылись, Брок, покряхтывая от напряжения, выкатил большой колесный плуг. Немногие работники способны выкатить его без чужой помощи, мелькнула в голове не лишенная гордости мысль. Он усмехнулся, заметив, как лошади затоптали при виде плуга. Лошадь – ленивая скотина, будь ее воля, ни за что не станет работать. Брок втолкнул плуг между лошадьми и прицепил дышло к сбруе. Ловким движением он отвязал вожжи от столба, сел на сиденье и шлепнул ими по широким крупам.

– Но!

Лошади перебирали ногами, не двигаясь с места.

– Пошли, я вам говорю!

Том попятился назад.

– Тпру! Тпру!

Свободным концом вожжей Брок со свистом хлестнул лошадь, как плетью. Том утробно фыркнул и надавил могучим копытом на дышло. Оно треснуло пополам.

На мгновение Брок застыл на месте, лишившись дара речи. Тряхнул рыжей головой.

– Случайность, – произнес он вслух. Наступила зловещая тишина. – Это случайность.

В сарае лежало запасное дышло. Он принес его и два десятка разных инструментов и принялся терпеливо снимать сломанное.

– Эй! Стоять! Стоять, кому говорю!

Брок поднял голову. Воздух вспороли визг и хрюканье. Мимо промелькнула черная тень, потом еще одна. Из загона вырвались свиньи!

– Джо! – крикнул Брок, успев удивиться, как быстро он отреагировал. – Поймай их, Джо! Загони обратно, парень!

Пес сорвался с места золоченой стрелой, оббежал и куснул главную свиноматку. Та, хрюкнув, отвернула в сторону. Джо бросился к следующей свинье. Из свинарника прибежал Стан Уилмер, белый как мел.

Брок преградил путь еще одной свинье, заставив ее свернуть, однако четвертая проскочила мимо него и убежала в лес. Несколько суматошных минут ушло на то, чтобы загнать свиней обратно в хлев. Досчитались не всех.

Уилмер, тяжело дыша, севшим голосом прохрипел:

– Я видел. О, Боже, я видел собственными глазами... Этого просто не может быть.

Брок, отдуваясь, вытер лицо.

– Ты слышал, что я сказал? – Уилмер схватил его за руку. – Я видел. Видел. Свиньи сами открыли загородку.

– Да ну? – Брок невольно разинул рот.

– Говорю же! Одна встала на задние ноги и рылом подняла щеколду. Без чужой помощи. А остальные стояли сзади и ждали. Ох, что делается!

Джо, издевательски лая, пригнал из леса еще одну свинью. Та, очевидно, смирилась и спокойно трусила в направлении хлева. Уилмер, как робот, открыл ворота и впустил ее.

– Молодчина! – Брок потрепал собаку, тычущуюся в него носом, по шелковистой холке. – Умница!

– Даже чересчур, черт возьми, – Уилмер сузил глаза. – Ты когда-нибудь видел, чтобы собака такое вытворяла?

– Видел, – неуверенно ответил Брок.

Джо вскочил и бросился обратно в лес.

– Могу поспорить, побежал еще за одной. – В голосе Уилмера зазвучали нотки ужаса.

– Конечно. Джо умный пес.

– Я должен сообщить Биллу Бергену.

Уилмер повернулся и ушел. Брок проводил его взглядом, пожал тяжелыми плечами и вновь занялся прерванной работой. К тому времени, когда он ее закончил, Джо пригнал из леса еще двух свиней и сел сторожить ворота хлева.

– Молодец, – похвалил Брок. – Я организую для тебя косточку в награду.

Он запряг Тома и Джерри, спокойно стоявших рядом.

– Ладно, бездельники, поехали. Но!

Лошади медленно попятились.

– Эй! – заорал Брок.

На этот раз дело не обошлось одним дышлом. Кони аккуратно наступили на плуг, погнули своим весом железную раму и отломили нож. У Брока пересохло в горле.

– Не может быть, – пробормотал он.

Когда он рассказал об этом Уилмеру, того чуть кондрашка нехватила. Берген же просто стоял и бессвязно насвистывал.

– Не знаю, – произнес управляющий, запустив руку в соломенного цвета волосы. – Я вот что скажу. Надо прекратить работы с участием животных за исключением, разумеется, кормежки и дойки. Заприте все ворота на всякие замки, пошлите кого-нибудь проверить все изгороди. Я доложу хозяину.

– Я теперь шагу не ступлю без оружия, – сказал Уилмер.

– Да, неплохая мысль, – согласился Берген.

Арчи Броку поручили осмотреть четыре мили ограждений вокруг леса. Он захватил с собой Джо. Пес вприпрыжку весело бежал сзади, он был рад немного порезвиться на свободе.

Какая тишина в лесу! Косые лучи солнца, падая сквозь промежутки между зелеными неподвижными листьями, пятнали узорами теплые бурые тени. Над головой – пронзительно голубое небо, ни облачка, ни ветерка. Иногда нога задевала комок земли или камень, легко касалась одежды отодвинутая ветка, а в остальном в лесу царили тишина и покой. словно разом умолкли птицы, не казали носу белки, даже овцы и те забрались в самую чащобу. Броку стало неуютно от ощущения, что весь зеленый мир словно чего-то ждал.

Затишье перед бурей?

Он хорошо мог себе представить, как испугались бы люди, если бы животные вдруг поумнели. Коль в самом деле поумнеют, позволят ли они людям сажать себя под замок, гонять на работу, кастрировать, резать, свежевать и обращать в пищу? Что, если Том и Джерри... Но ведь они были такие смирные!

Минутку, а люди разве не умнеют? Последние несколько дней все стали больше разговаривать, и не только о погоде и соседях, но и о вещах типа кто победит на очередных выборах и почему задний привод лучше переднего. Конечно, они иногда и раньше об этом говорили, только не часто, да и сказать-то было особо нечего. Даже миссис Берген. Брок ни разу не видел, чтобы жена управляющего читала журналы. В свободное время она только и делала, что смотрела телевизор.

Я тоже умнею!

Озарение грянуло неожиданно, как раскат грома. Брок долго стоял, не шевелясь, пока Джо не подбежал и не понюхал с удивлением его руку.

Я умнею.

Не иначе. В последнее время он много думал, вспоминал всякую всячину, высказывался, в то время как раньше всегда помалкивал... Чем это еще объяснить? Умнел весь мир.

Я умею читать, подумал Брок. *Не очень хорошо, но меня обучили читать по слогам, и я умел читать комиксы. Может быть, теперь смогу осилить настоящую книгу?*

Книги содержали ответы на мучившие его с недавних пор вопросы, такие, как из чего сделаны солнце, луна и звезды, почему наступают зима и лето, зачем нужны войны и президенты, кто живет с другой стороны Земли...

Он тряхнул головой, не в силах остановить разрастающиеся внутри джунгли неведомого. Брок прежде никогда ничем не интересовался. События попросту происходили и забывались. *А теперь...* Он изумленно посмотрел на свои руки. *Кто я? Для чего я?*

Внутри как будто что-то кипело. Брок прислонился лбом к прохладному древесному стволу, прислушался к шуму крови в ушах. *Прощу тебя, Господи, пусть это будет правдой. Сделай меня таким, как все.*

Через минуту он подавил порыв и пошел проверять забор.

Вечером после окончания работ Брок надел чистый костюм и отправился к большому дому. Мистер Россман сидел на веранде, курил трубку и тонкими пальцами рассеянно листал книгу. Брок, комкая в руках кепку, робко стоял, пока хозяин не оторвал взгляд от книги и не заметил его.

– А-а, привет, Арчи, – негромко поздоровался мистер Россман. – Как дела?

– Спасибо, хорошо. – Брок вертел кепку в руках, переминаясь с ноги на ногу. – Можно вас на минутку?

– Ну, конечно, проходи. – Мистер Россман отложил книгу и подождал, потягивая трубку, пока Брок откроет сетчатую дверь и приблизится. – Возьми стул. Присаживайся.

– Ничего. Спасибо. Я... – Брок облизнул пересохшие губы. – Я хотел бы у вас кое-что спросить.

– Спрашивай, Арчи. – Мистер Россман откинулся на спинку стула. Это был худой высокий мужчина с мелко вырезанными чертами лица, исполненный гордости за свою доброту, седовласый. Родители Брока арендовали у мистера Россмана земельный участок, а когда стало ясно, что из сына ничего путного не получится, хозяин взял Арчи под свою опеку. – Все в порядке?

– Ну-у... Я насчет перемен, которые здесь происходят.

– Что-что? – Взгляд Россмана заострился. – Каких перемен?

– Вы сами знаете каких. Животные умнеют и не хотят слушаться.

– Ах, вот ты о чем. – Россман выпустил клуб дыма. – Скажи-ка, Арчи, а в себе ты перемен не обнаружил?

– Да. Я... э-э... возможно.

Россман кивнул.

– Если бы ты не изменился, ты бы сюда не пришел.

– Мистер Россман, что происходит? Чем вызвано это наваждение?

– Не знаю, Арчи. И никто не знает. – Старик посмотрел на синие сумерки. – А ты уверен, что это плохо? Может быть, все как раз идет к лучшему. – Рука с тонкими голубыми венами хлопнула газетой по столу. – Есть кое-какие догадки. Сведения постепенно просачиваются. Я уверен, что известно больше, но правительство придерживает информацию, опасается паники... Как будто такой всемирный феномен можно утаить! Но Вашингтон все равно будет до конца цепляться за свои дурацкие страхи.

– Мистер Россман, – Брок пошевелил руками и снова опустил их, – нам-то что делать?

– Ждать. Ждать и наблюдать. Я скоро еду в город, хочу сам посмотреть. Мои карманные мозги в институте должны...

– Вы уезжаете?

Россман с улыбкой покачал головой.

– Бедный Арчи. Как страшно быть беззащитным, не правда ли? Мне иногда кажется, что люди боятся смерти именно по этой причине – не из-за неведомого, а потому что смерть предрешена и от нее не уйдешь. Фатализм и тот всего лишь ширма. Однако я отвлекся от темы...

Он долго молча курил. Вокруг стрекотали и бормотали летние сумерки.

– Да, – наконец сказал мистер Россман. – У меня тоже есть такое чувство. Приятным его не назовешь. Дело не только в нервозности и ночных кошмарах, – они, я полагаю, вызваны физиологическими причинами, – но и в самих мыслях. Я всегда считал, что умею мыслить быстро, эффективно и логично. А теперь во мне просыпается что-то такое, чего я совершенно не понимаю. Порой мне кажется, что вся моя жизнь состояла из мелочной, бессмысленной суеты. При этом я не сомневаюсь, что хорошо послужил на благо семьи и отечества. – Старик еще раз улыбнулся. – Надеюсь, я еще доживу до того, чтобы увидеть, чем все это кончится. Мне интересно!

Из глаз Брока потекли слезы.

– А что делать мне?

– Тебе? Жить. Проживать один день за другим. Что еще человеку делать? – Россман поднялся и положил руку на плечо Брока. – Думать тоже не забывай. Не отрывайся мыслями от земли – так лучше. Никогда не обменивай свою свободу на чужие предложения думать и совершать ошибки вместо тебя. Я был для тебя кем-то вроде феодала, Арчи, но, возможно, в этом больше нет нужды.

Брок большую часть сказанного не понял. Он лишь почувствовал, что мистер Россман советует не вешать нос и что не все так плохо.

– Я хотел взять у вас почитать какие-нибудь книги, – застенчиво проговорил Брок. – Хочу посмотреть, смогу ли я их теперь осилить.

– Ну, конечно, Арчи. Пошли в библиотеку. Я найду что-нибудь полегче для начала...

Глава 4

Передовицы «Нью-Йорк Таймс» от 23 июня:

«ПРЕЗИДЕНТ ОТРИЦАЕТ, ЧТО БЫСТРЫЕ МОЗГИ ОПАСНЫ»

«Белый дом советует сохранять спокойствие и продолжать работу – перемены не страшны для людей»

«Ученые США работают над проблемой – ответ скоро будет найден»
«РЕЗКИЙ СПАД НА ФОНДОВОМ РЫНКЕ БЕСПОКОИТ УОЛЛ-СТРИТ»
«Падение продаж снижает котировки акций»
«“Экономист” считает: США грозит рецессия»
«КИТАЙСКАЯ АРМИЯ ПОДНЯЛА МЯТЕЖ»
«Правительство коммунистов объявило особое положение»
«В ЛОС-АНДЖЕЛЕСЕ ОСНОВАНА НОВАЯ РЕЛИГИЯ»
«Сойер провозгласил себя Третьим Баалом – митинг собрал тысячи людей»
«ФЕССЕНДЕН ПРИЗЫВАЕТ СОЗДАТЬ МИРОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО»
«Изоляционист из Айовы, выступая в сенате, переменил позицию»
«ДЖОНСОН: МИРОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО – НЕПРАКТИЧНАЯ ИДЕЯ»
«Сенатор из Орегона сохраняет прежнее мнение»
«БУНТ В ДОМЕ ДЛЯ СЛАБОУМНЫХ НА СЕВЕРЕ ШТАТА»
«Беспорядки в Алабаме»

Все работали допоздна, и гости прибыли в дом Коринфа только к десяти вечера. Шейла по обыкновению приготовила сэндвичи и кофе, после чего села в уголке и тихо беседовала с Сарой Мандельбаум. Время от времени они с тревогой поглядывали на играющих в шахматы мужей.

Игра получалась у Коринфа лучше, чем когда-либо раньше. Обычно он и Мандельбаум делили победы и поражения поровну, неторопливая осторожная тактика физика нивелировала резкие блестящие выпады профсоюзного деятеля. Однако в этот вечер молодой ученый был рассеян. Он строил схемы, которым позавидовал бы Касабланка, но Мандельбаум их раскусывал на раз и варварски дырявил его защиту. Коринф вздохнул и отодвинулся от стола.

– Сдаюсь, – сказал он. – Мат через... э-э... семь ходов.

– Ничего подобного. – Мандельбаум указал корявым пальцем на королевского слона. – Если бы ты сходил им сюда, то...

– А-а, верно. Ты прав. Все равно один итог. Я просто не в настроении. Где застрял Нат?

– Придет. Не волнуйся.

Мандельбаум пересел в кресло и принялся набивать большую трубку.

– Не представляю, как ты можешь спокойно сидеть, когда...

– Когда все вокруг рушится? Послушай, Пит, все вокруг всегда рушилось, с незапамятных времен. На данном этапе дело хотя бы не дошло до стрельбы.

– Наверное, еще дойдет, – буркнул Коринф, встал и подошел к окну. Руки – за спиной, плечи опущены. Непрерывное мерцание городских огней вырезало его силуэт на фоне темного неба. – Разве ты не понимаешь, Феликс? Этот новый фактор, если мы вообще выживем, перевернет всю жизнь. Наше общество создано людьми определенного типа и рассчитано на этот тип. А теперь сам человек превращается во что-то другое.

– Не думаю. – Звук спички, которой Мандельбаум чиркнул о подошву, прозвучал на удивление громко. – Мы все та же скотина, что и прежде.

– Какой у тебя был ай-кью до перемен?

– Понятия не имею.

– Никогда не проходил тест?

– Да нет, проходил. Иногда требовали пройти, прежде чем допустить к работе, но я никогда не интересовался результатом. Что такое ай-кью? Просто число набранных баллов.

– Нет, не только. Тест оценивает способность к обработке данных, абстрактному мышлению...

– Только если ты белый европеец с западноевропейской или американской культурной заправкой. Вот для кого существует этот тест. Бушмен из Калахари надорвал бы живот от

смеха, узнав, что тест не включает в себя умение находить воду. Для него оно важнее, чем способность жонглировать цифрами. Нет, я, конечно, тоже ценю в личности логику и воображение, однако лишен твоей трогательной в них веры. Человек ими не ограничивается, и автомеханик, возможно, больше приспособлен к выживанию, чем математик.

– К выживанию? В каких условиях?

– В любых. Приспособляемость, сопротивляемость, быстрота – эти качества важнее всего.

– Доброта тоже очень важна, – робко вставила Шейла.

– Боюсь, доброта – это роскошь. Хотя такие вещи и делают нас людьми, – сказал Мандельбаум. – И потом доброта к кому? Иногда приходится отпускать тормоза и применять силу. Совсем без войн не обойтись.

– Войны стали бы не нужны, будь люди разумнее, – ответил Коринф. – Вторую мировую войну не пришлось бы вести, если бы Гитлеру не позволили занять Рейнскую область. Чтобы окоротить его, хватило бы одной дивизии. Однако политики были слишком глупы, чтобы предвидеть, к чему это приведет.

– Нет. Просто у них имелись причины, по которым им было – как бы лучше выразиться? – не с руки посылать дивизию. Девяносто девять процентов всех людей на Земле предпочитают поступать так, как им удобно, а не по уму, и при этом тешат себя надеждой, что избегнут последствий. Мы так устроены. К тому же мир настолько переполнен застарелой враждой и предрассудками, и столько народу воспринимают их как нечто славное, терпимое и практичное, что диву даешься, как войны не возникали чаще, чем это случалось в истории. – В тоне Мандельбаума зазвучала горечь. – Так что практичные люди, приспособленцы, возможно, правы. Может быть, наиболее нравственно ставить на первое место себя, жену и кривоногого сынишку Хассана. Как мой сын. Он теперь в Чикаго. Сменил фамилию и укоротил нос. Нет, он не стыдится родителей – просто избавил себя и свою семью от множества неприятностей и унижений. И, честно говоря, я не знаю, кем его считать – расчетливым приспособленцем или бесхребетным слизняком.

– Мы отклонились от темы, – смутился Коринф. – Сегодня вечером мы собирались обсуждать, что ожидает не только нас, но и весь мир. Мой ай-кью за одну неделю подскочил с прежних 160 до 200. В голову приходят мысли, которые меня прежде никогда не посещали. Старые профессиональные проблемы становятся до смешного простыми. Вот только все остальное перемешалось. Разум отвлекается на всякие фантазии, необузданные и нездоровые. Я, как котенок, всего пугаюсь, шарахаюсь от теней, испытываю беспричинные страхи. Время от времени возникают видения, в которых все выглядит гротескно – как в ночном кошмаре.

– Просто ты пока не привык к своему новому уму, – сказала Сара.

– Я чувствую то же самое, о чем рассказывает Пит, – подтвердила Шейла ломким, испуганным голосом. – Оно того не стоит.

Сара пожала плечами и махнула рукой.

– А мне даже интересно.

– Все дело в структуре личности, она не изменилась, – сказал Мандельбаум. – Сара всегда мыслила трезво. Ты недостаточно серьезно воспринимаешь свой новый ум, либхен. Для тебя абстрактное мышление – игрушка, мало пригодная для работы по дому. – Он выпустил клуб дыма, заставивший его прищуриться, отчего лицо покрылось морщинками. – У меня тоже бывают приступы растерянности, как у тебя, Пит, но я им не поддаюсь. Это чистой воды физиология, у меня нет времени на такую чепурунду. Тем более сейчас. Каждый член профсоюза лезет со своей идеей, как нам следует вести дела. Чувак из профсоюза электриков заявил, что электрики должны объявить забастовку и свергнуть правительство! Намедни один тип даже пальнул в меня из дробовика.

– Что-о?

Все дружно уставились на него.

Мандельбаум пожал плечами.

– Промазал. Я хотел сказать, что некоторые люди бесятся, некоторые подличают, а большинство просто боятся. Такие, как я, кто старается сохранить какое-то подобие порядка, неизбежно наживают себе врагов. Люди нынче стали думать больше, но не обязательно по делу.

– Точно, – согласился Коринф. – Средний человек...

Звук дверного звонка заставил его вздрогнуть.

– Открыто, входите!

Первой вошла Хельга Арнульфсен, на мгновение заслонив массивную тушу Натана Льюиса. Хельга, как всегда, выглядела невозмутимой, изящной и непрístupной, однако теперь под глазами у нее залегли темные круги.

– Привет, – безучастно поздоровалась она.

– Не до смеха, да? – участливо спросила Шейла.

Хельга скорчила гримасу.

– Кошмары снятся.

– Мне тоже. – Шейла передернулась.

– А где психолог, которого ты хотел привести, Нат? – спросил Коринф.

– Отказался, – ответил Льюис. – В последнюю минуту ему пришла в голову идея нового теста для проверки умственных способностей. А его супруга занята тем, что гоняет крыс по лабиринту. Не велика потеря, мы и без них обойдемся.

Льюис один из всех собравшихся, казалось, не поддавался тревогам и предчувствиям и был слишком занят движением к новым горизонтам, чтобы оглядываться на личные неудобства. Он напрямик направился к буфетной стойке, взял сэндвич и вонзил в него зубы.

– Ммм... фантастиш. Шейла, почему бы тебе не бросить своего водохлеба и не выйти за меня?

– Променять водохлеба на пивохлеба? – робко откликнулась она.

– Туше! Изменения, похоже, тебя тоже затронули? Нет, правда, тебе со мной было бы лучше, меня можно пить по глоточку как выдержанный скотч.

– Вообще-то, – угрюмо сменил тему Коринф, – мы собрались здесь без конкретной цели. Я просто надеялся, что разговор на общие темы прояснит мозги и, возможно, подбросит какие-нибудь идеи.

Льюис уселся за стол.

– Вижу, правительство в конце концов признало, что происходит нечто необычное, – кивнул он на лежащую рядом газету. – Однако признание не успокоит панику. Люди напуганы, они не знают, чего ждать. По дороге сюда я видел одного типа, который бегал по улице и вопил, что наступил конец света. В Центральном парке идет огромных размеров молебен. Трое алкашей подрались перед баром, а рядом ни одного полицейского. Пожарные сирены тоже слышал – горело где-то в Куинсе.

Хельга зажгла сигарету и прикрыла глаза.

– Джон Россман сейчас в Вашингтоне, – сказала она. – Несколько дней назад приехал в институт, попросил наших головастиков исследовать явление, но выводы пока держать при себе, и улетел в столицу. С его связями он, надеюсь, быстро выяснит всю фабулу.

– Никакой фабулы, скорее всего, нет, – ответил Мандельбаум. – Всего лишь разрозненные проявления, происходящие по всему миру. Все вместе они вызвали переполох – это да, но общая картина пока не ясна.

– Еще не вечер, – задорно воскликнул Льюис, взяв себе еще один сэндвич и чашку кофе. – Предсказываю, что через неделю нормальная жизнь полетит в тартарары.

– Дело в том... – Коринф вскочил со стула и заходил по комнате. – Дело в том, что перемены еще не закончились. Насколько можно верить показаниям наших приборов, изменения

будут продолжаться. К сожалению, приборы не точны, на них действуют те же самые силы. Более того – скорость перемен нарастает.

– С поправкой на ошибку я нахожу, что этот процесс развивается по гиперболе, – сказал Льюис. – Это, братья мои, только начало. Если так будет продолжаться, через неделю наш ай-кью подскочит до четырехсот.

Все надолго погрузились в молчание. Коринф стоял, опустив сжатые кулаки. Шейла, беззвучно вскрикнув, подбежала и повисла у него на плече. Мандельбаум, переваривая информацию, хмурился и пускал струйки дыма. Он ласково дотронулся до Сары, та благодарно пожала его руку. Льюис ухмылялся, прожевывая сэндвич. Хельга сидела без движения, чистые плавные изгибы ее лица были напрочь лишены какого-либо выражения. Снизу доносились шумы большого города.

– Что теперь будет? – первой опомнилась Шейла. Она дрожала так сильно, что это все видели. – Что *с нами* будет?

– Одному Богу известно, – философски изрек Льюис.

– Оно теперь все время будет расти? – спросила Сара.

– Нет, – ответил Льюис. – Так не получится. Рост происходит, потому что повышается скорость действия нейронных цепей и интенсивность сигналов, которые передают эти цепи. Физическая структура клетки выдержит лишь до определенного предела. Если раздражение будет постоянно нарастать, это вызовет помешательство, слабоумие и смерть.

– И где предел? – деловито справился Мандельбаум.

– Трудно сказать. Механизм работы нервной клетки еще недостаточно изучен. Да и принцип ай-кью действует в строго очерченных границах. Рассуждать об ай-кью величиной за четырехста баллов нет никакого смысла. На этом уровне человеческий интеллект, каким мы его знали, станет уже чем-то другим.

Коринф слишком увлекся своей собственной работой и физическими измерениями и не подозревал, как много узнал и сколько теорий выдвинул отдел Льюиса. Потрясающие выводы только начинали представлять во всей полноте.

– К черту конечный результат, – резко заявила Хельга. – Мы не в силах остановить процесс. Главное сейчас – как предотвратить развал цивилизации. Что мы будем есть?

Коринф, стараясь погасить всплеск паники, кивнул.

– До сих пор нас просто несло на волне всеобщей инертности. Большинство людей продолжают заниматься прежним делом, потому что у них нет выбора. Но когда положение действительно начнет меняться...

– Дворник и лифтер института вчера уволились, – заметила Хельга. – Работа слишком монотонная, говорят. Что, если все дворники, сборщики мусора, землекопы и рабочие конвейеров решат уволиться одним разом?

– Все не уволятся, – сказал Мандельбаум. Он выколотил трубку и пошел налить себе кофе. – Одни испугаются, другие проникнутся чувством необходимости поддержать жизнь общества, третьи... Короче, на этот вопрос нет простого ответа. Я согласен, что нас по меньшей мере ожидает тяжелый переходный период – люди будут бросать работу, пугаться, всячески сходить с ума. Нам нужна временная организация, которая позволила бы пережить несколько следующих месяцев. Ее ядром могли бы стать профсоюзы. Я уже готовлю план, а когда мы уговорим и уломаем своих ребят, я предложу помощь администрации города.

Повисла пауза. Хельга остановила взгляд на Льюисе.

– И у тебя по-прежнему нет догадки, чем все это вызвано?

– О, догадка есть, – ответил биолог. – Даже несколько догадок, вот только непонятно, на какой остановиться. Надо продолжать исследования и думать, думать.

– Феномен действует в масштабах всей Солнечной системы, – объяснил Коринф. – Обсерватории установили этот факт с помощью спектроскопического анализа. Возможно,

Солнце, вращаясь вокруг центра галактики, вошло в какое-то силовое поле. Но в принципе – черт, я не собираюсь сразу же отказываться от всеобщей теории относительности – в принципе я склоняюсь к мысли о том, что мы скорее всего *покинули* силовое поле, замедлявшее свет и по-своему влиявшее на электромагнитные и электрохимические процессы.

– Другими словами, – с расстановкой произнес Мандельбаум, – мы, по сути, приходим в нормальное состояние? А все наше прошлое проходило в аномальных условиях?

– Пожалуй. Только для нас эти условия не были аномальными, мы при них эволюционировали. Мы – как глубоководные рыбы, которые взрываются, если их вытащить на поверхность с нормальным давлением.

– Хех! Славная мысль!

– Мне кажется, смерти я не боюсь, – слабым голосом отозвалась Шейла. – Но изменений такого рода...

– Держи себя в руках, – оборвал ее Льюис. – Подозреваю, что этот дисбаланс приведет к помешательству многих людей. Хоть ты не поддавайся. – Он стряхнул пепел с сигары. – Мы кое-что обнаружили в лаборатории. Как и сказал Пит, на электронные взаимодействия оказывает влияние либо силовое поле, либо его отсутствие. В количественном выражении эффект невелик. Обычные химические реакции не претерпели изменений. Я не слышал каких-либо сообщений об изменении скорости неорганических реакций. Однако, чем сложнее и тоньше структура, тем больше она чувствует этот слабый эффект.

Вы, должно быть, заметили, что в последнее время у вас прибавилось энергии. Мы измерили скорость основных обменных процессов – она увеличилась, хотя и незначительно. Двигательные реакции тоже ускорились, однако вы этого не чувствуете, потому как ваше субъективное время течет быстрее. Другими словами, изменения мышечных, эндокринных, сосудистых и прочих чисто соматических функций невелики. Если ничего больше не случится, вы к ним быстро приспособитесь.

С другой стороны, наиболее высокоорганизованные клетки, нейроны, и прежде всего нейроны коры головного мозга, подвергаются сильному воздействию. Скорость восприятия резко возросла, это определили психологи. Я уверен, что вы сами заметили, насколько быстрее вы стали читать. Время реагирования на любые раздражители сократилось.

– Мне об этом Джонс говорил, – невозмутимо кивнула Хельга. – И я сама проверяла статистику ДТП за прошлую неделю. Аварий стало определенно меньше. Люди быстрее реагируют. Естественно, это помогает лучше водить машину.

– Угу, – сказал Льюис. – Пока им не надоест ползать со скоростью шестьдесят миль в час и они не начнут носиться под сотню. Столкновений может и не станет больше, зато каждое – в лепешку!

– Но если люди действительно поумнеют, – начала Шейла, – то они будут знать, что...

– Ни фиги! – Мандельбаум тряхнул головой. – Основная структура личности не меняется, так? Умные люди, как и все остальные, время от времени совершали глупые и предосудительные поступки. Скажем, человек может быть выдающимся ученым, но это не мешает ему гробить свое здоровье, ездить как безумец, увлекаться спиритуализмом или...

– ...Голосовать за демократов, – с ухмылкой закончил Льюис. – Все правильно, Феликс. Со временем улучшенный интеллект, несомненно, повлияет на личность в целом, но сейчас слабости, невежество, предрассудки, пробелы в знаниях или амбиции никуда не денутся. Человеку просто дают больше силы, энергии и ума, чтобы он мог потакать своим наклонностям, и это одна из причин, из-за которых цивилизация трещит по швам.

Тон Льюиса сделался сухим и нравоучительным.

– Возвращаясь к тому, с чего начали: самой высокоорганизованной тканью в мире является головной мозг человека, серое вещество, центр сознания, если угодно. Он лучше всего на свете чувствует раздражители или, если теория Пита верна, нехватку торможения. Его

функциональность усиливается диспропорционально ко всем остальным органам. Вы, возможно, не подозреваете, насколько сложна структура человеческого мозга. По сравнению с ним звездная вселенная выглядит как детский конструктор. Потенциальных межнейронных связей больше, чем атомов во всей вселенной, соотношение что-то около десяти в седьмой степени. Поэтому неудивительно, что небольшое изменение в электрохимии, слишком слабое, чтобы вызвать существенные отличия в организме, в корне меняет природу разума. Вспомните, какие эффекты вызывают небольшие дозы наркотиков и алкоголя, и сравните это с новым фактором, влияющим на основы жизнедеятельности клеток. Самый интересный вопрос: сможет ли тонко отлаженная система пережить подобные перемены вообще.

В словах Льюиса не было страха, глаза сверкали за толстыми стеклами очков беспристрастным восхищением. Он столкнулся с настоящим чудом. Коринф представил себе друга умирающим и ведущим при этом клинические наблюдения за процессом угасания собственной жизни.

– Что ж, – сумрачно сказал физик, – ждать осталось недолго.

– Как вам удастся спокойно сидеть и говорить об этом в таком тоне? – заплакала Шейла. Ее голос дрожал от ужаса.

– Моя милая девочка, – сказала Хельга, – ты можешь предложить что-то другое?

Глава 5

Выборка из «Нью-Йорк Таймс» от 30 июня:

«ПЕРЕМЕНЫ ЗАМЕДЛЯЮТСЯ»

«Зафиксировано угасание; эффект, очевидно, необратим»

«Объяснение, возможно, содержится в теории Рейадера»

«ОБНАРОДОВАНА ЕДИНАЯ ТЕОРИЯ ПОЛЯ»

«Рейадер объявил об усовершенствовании теории Эйнштейна – новая теория открывает возможность межзвездных путешествий»

«ФЕДЕРАЛЬНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО НАМЕРЕНО СЛОЖИТЬ С СЕБЯ ПОЛНОМОЧИЯ»

«Президент просит местные власти действовать по своему усмотрению»

«Трудовая администрация Нью-Йорка под управлением Мандельбаума призывает к сотрудничеству»

«ИЗ СТРАН ПОД СОВЕТСКИМ КОНТРОЛЕМ СООБЩАЮТ О РЕВОЛЮЦИЯХ»

«Новости замалчиваются – рост организованного сопротивления»

«Революционеры разработали новые виды оружия и тактику боевых действий»

«УГЛУБЛЕНИЕ МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА»

«Голодные бунты в Париже, Дублине, Риме, Гонконге»

«Судоходство практически остановилось: работники увольняются тысячами»

«КУЛЬТ ТРЕТЬЕГО БААЛА ПОДНЯЛ МЯТЕЖ В ЛОС-АНДЖЕЛЕСЕ»

«Национальная гвардия деморализована»

«Фанатики захватывают ключевые позиции, продолжаются уличные бои»

«Городская администрация Нью-Йорка предупреждает об угрозе культа»

«ТИГР УБИЛ РАБОТНИКА ЗООПАРКА В БРОНКСЕ И ВЫРВАЛСЯ НА СВОБОДУ»

«Полиция подняла тревогу, объявлена охота»

«Власти рассматривают вопрос об отстреле всех крупных животных»

«В ГАРЛЕМЕ НАЗРЕВАЕТ НОВЫЙ БУНТ»

«Начальник полиции: вчерашние события – только начало, рост паники невозможно сдержать»

«ПСИХИАТР ГОВОРИТ: ЧЕЛОВЕК ИЗМЕНИЛСЯ ДО НЕУЗНАВАЕМОСТИ»

«Кирнс из Белвью: непредсказуемые результаты нейронного ускорения отменяют старые данные и методы контроля – итог невозможно даже вообразить»

На следующий день номер не вышел – не завезли газетную бумагу.

* * *

Брок находил странным, что на него оставили всю усадьбу. Последнее время вообще происходило много странных вещей.

Во-первых, уехал мистер Россман. Во-вторых, на следующий день, когда Стан Уилмер пошел кормить свиней, те на него напали. Свиньи с визгом и хрюканьем бросились на работника, сбили его с ног своими тяжелыми тушами, и нескольких пришлось пристрелить – только тогда от него отстали. Большинство свиней сообща навалились на забор, проломили в нем дыру и убежали в лес. Уилмеру здорово досталось, он угодил в больницу и поклялся, что ноги его больше не будет на ферме. Еще двое работников уволились в тот же день.

Брок впал в оцепенение и был слишком занят переменами внутри себя, чтобы обращать внимание на эти события. После отмены почти всех работ дел у него в любом случае было мало. Он ухаживал за животными, старался относиться к ним по-доброму, не снимал с пояса пистолет и обходился без неприятностей. Джо не отступал от него ни на шаг. В свободное время Брок или читал, или сидел, подперев руками подбородок, и думал. Через пару дней после истории со свиньями его вызвал Билл Берген. Внешне управляющий не сильно изменился; по-прежнему высокий, светловолосый и неторопливый, он все так же постоянно жевал зубочистку и щурил светлые глаза. Вот только разговаривать с Броком стал еще медленнее и осторожнее, чем прежде.

– Привет, Арчи. Смит только что уволился.

Брок, переминаясь с ноги на ноги, смотрел в пол.

– Сказал, что решил поступать в колледж. Я не смог его отговорить. – В голосе Бергена звучало изумление, смешанное с брезгливостью. – Вот дурак. Через месяц не останется никаких колледжей. На ферме теперь только ты, моя жена, Восс и я.

– Маловато рабочих рук, – пробормотал Брок, почувствовав, что от него ждут какого-то ответа.

– Если на то пошло, с основными работами может справиться и один человек. Хорошо еще, что сейчас лето. Лошадей и коров можно выпустить на волю – сараи не надо будет чистить.

– А как же посевы?

– Они пока не требуют заботы. Да и черт с ними.

Брок поднял глаза. За все время, проведенное на ферме, он не видел работника надежнее и трудолюбивее Бергена.

– Ты ведь тоже поумнел, Арчи? Как и все мы? Я полагаю, что ты стал нормальным – какими были мы до изменений, я хотел сказать. И это еще не предел. Ты еще больше поумнеешь.

Брок покраснел.

– Извини, я не хотел тебя обидеть. Ты хороший парень. – Берген некоторое время бесцельно перебирал бумаги на столе. – Арчи, ты здесь теперь за главного.

– Что?

– Я тоже уезжаю.

– Но как же, Билл... Вы не можете...

– Могу и уеду, Арчи. – Берген поднялся. – Моя жена всегда мечтала путешествовать, мне тоже есть, о чем подумать. Не спрашивай – я много лет ломал голову над одной проблемой и теперь, кажется, нашел ответ. Возьмем машину и двинем на запад.

– Но мистер Россман... он полагается на вас...

– Сдается мне, что у человека в жизни есть дела поважнее присмотра за сельской резиденцией мистера Россмана, – ровным голосом ответил Берген. – Ты один справишься с хозяйством, даже если Восс тоже уволится.

Испуг и замешательство уступили место насмешке.

– Животных испугались, да?

– Нет, что ты, Арчи. Никогда не забывай, что ты все равно их умнее, и главное – у тебя есть руки. Пистолет кого угодно остановит.

Берген подошел к окну и выглянул из него. День был ясный и ветреный, солнечный свет кромсали мельтешащие ветки.

– По правде говоря, – продолжал управляющий все тем же спокойным, отстраненным тоном, – надежнее места, чем ферма, сейчас не сыскать. Если системы производства и подвоза развалятся, а такое не исключено, ты по крайней мере не будешь голодать. Что касается меня и жены, мы не становимся моложе. Я всю жизнь старался быть положительным, непьющим и сознательным, а теперь сам удивляюсь: зачем я потратил столько лет своей жизни впустую?

Берген отвернулся.

– До свидания, Арчи.

Как приказ.

Брок вышел во двор, качая головой и что-то бормоча себе под нос. Джо беспокойно скулил и тыкался носом в его ладонь. Брок взъерошил золотистую шерсть на загривке собаки, присел на крыльцо и закрыл лицо руками.

Дело в том, думал он, что поумнели не только я и животные, но и все остальные. Боже праведный, что сейчас творится в голове Билла Бергена?

Страшно даже себе представить. Быстрота, охват и острота собственного разума вдруг показались ему беспощадными. Он не решался даже подумать, каково сейчас нормальному чело-веку.

Но не думать было трудно. Берген не превратился в бога. У него не сверкали огнем глаза, он не говорил сурово и зычно, не строил огромные машины, изрыгающие грохот и пламя. Билл оставался сутулым человеком с усталым лицом и медлительной речью, лишенным каких-либо причуд. Деревья по-прежнему зеленели, в розовом кусте чирикала птица, на подлокотнике скамьи сидела зеленая муха.

Брок смутно припомнил проповедь, которую слышал в одно из редких посещений церкви. Когда наступит конец света, небо разверзнется, ангелы прольют на дрожащую землю чаши гнева, и Господь явится, чтобы судить сынов человеческих. Брок прислушался, не стучат ли копыта коней адских всадников. Нет – только ветер шумел в кронах деревьев.

Самое скверное, что небу наплевать. Земля вращалась посреди бесконечной тьмы и безмолвия, и то, что происходило с тонкой накипью на ее поверхности, не имело никакого значения.

Никому нет дела. Ничто не имеет значения.

Брок посмотрел на свои обшарпанные ботинки и сильные волосатые руки, зажатые между колен. Они были невероятно чужими, словно принадлежали кому-то другому. *Боже мой, неужели это действительно со мной происходит?*

Он схватил Джо за лохматую шею и притянул к себе. Ему внезапно остро захотелось женщину, чтобы она обняла его, поговорила с ним, закрыла собой пустоту неба.

Брок поднялся, чувствуя на теле холодный пот, и направился к коттеджу Бергена. Теперь дом был полностью в его распоряжении.

Восс, молодой парень, приехал сюда из города. Он был не очень смекалист и не сумел найти другую работу. Когда Брок появился в маленькой гостиной, юноша недовольно оторвался от книги.

– Билл только что уволился, – сообщил Брок.

– Знаю. Что делать будем?

Восс был пуглив, слаб характером и не прочь уступить лидерство кому-нибудь другому. Берген, очевидно, все это просчитал. Ощущение ответственности придало Броку сил.

– Если мы останемся на ферме, все будет в порядке, – рассудил он. – Пересидим, работать будем, вот и все.

– Животные...

– У тебя ведь есть оружие? Кроме того, они понимают собственное благо. Просто будь осторожен, относись к ним по-доброму и не забывай закрывать ворота.

– Я за чертовой скотиной не собираюсь ухаживать, – угрюмо заявил Восс.

– Однако ты нанимался именно для этого.

Брок подошел к леднику, достал и открыл две банки пива.

– Слушай, я умнее тебя и...

– Зато я сильнее. Не хочешь – увольняйся. Я остаюсь.

Брок подал одну банку Воссу, вторую опрокинул в разинутый рот.

– Послушай, – через минуту сказал Брок. – Я хорошо знаю животных. Они в основном живут привычками. Жмутся к жилью, потому что не знают, как жить самим, их тут кормят, и потому что... их сизмальства приучали уважать людей. В лесу нет медведей и волков, нам никто не угрожает. Разве только свиньи. Мне было бы куда страшнее в городе.

– Это еще почему? – Против воли Восс начал поддаваться на уговоры. Он отложил книгу и взял пиво. Брок прочитал название. «Ночь страсти» в грошовом издании. Возможно, мозги у Восса стали работать лучше, однако вкусы не изменились. Парень по-прежнему не любил думать.

– Там много людей, – сказал Брок. – Черт знает, что у них на уме.

Он подошел к радиоприемнику, включил его и настроил на волну новостей. В основном речь шла о новых умственных способностях, вот только слова связывались во фразы таким образом, что трудно было что-либо понять. Голос диктора, однако, звучал обеспокоенно.

После обеда Брок решил сходить в лес на разведку, попробовать найти свиней и посмотреть, чем они там занимаются. Их поведение тревожило его больше, чем он был готов признать. Свиньи и раньше были умнее, чем многие думали. Стаду могла прийти в голову идея разворотить склад с припасами, который охраняли всего два человека.

Брок не стал предлагать Воссу идти с ним, парень все равно бы отказался. Кроме того, кого-то следовало оставить сторожить дом.

Лес был зелен, тенист и полон шорохов. Брок шел тихо, положив ружье на сгиб локтя, с привычной легкостью раздвигая перед собой ветки кустов. Он не увидел ни одной белки. Прежде их здесь было видимо-невидимо. Должно быть, сообразили, как до них давным-давно сделали вороны, что от человека с ружьем лучше держаться подальше. Интересно, сколько пар глаз смотрели на него сейчас, и что происходило в мозгах этих наблюдателей? Джо жался к ногам хозяина и не рыскал, как обычно, по всем сторонам.

Ветка злобно хлестнула Брока по лицу. Он на мгновение замер, охваченный ледяным страхом. Что, если деревья тоже научились думать, и весь мир вот-вот встанет на дыбы?

Нет. Через минуту он взял себя в руки и уверенно пошел по овечьей тропе дальше. Чтобы эта штука, чем бы она ни была, кого-то изменила, этот кто-то должен для начала уметь мыслить. У деревьев нет мозгов. Кажется, у насекомых их тоже нет... Кстати, надо проверить.

Хорошо, что мистер Россман оставил большую библиотеку.

И хорошо, что самому Броку хватало устойчивости. Он никогда ничем не увлекался и воспринял новый порядок спокойнее, чем другие. Потихоньку-полегоньку, а там видно будет. Главное, прожить сегодняшний день и сделать все, чтобы выжить на следующий.

Из зарослей впереди высунулось свиное рыло. Старый черный кабан, большая грозная тварь, не собиравшись уступать дорогу. Морда с пяточком напоминала маску, Брок впервые видел такой лед в глазах живого существа. Джо ошетинился, зарычал, Брок поднял ружье. Они долго стояли без движения, не пасуя друг перед другом. Потом боров с явным презрением хрюкнул, развернулся и исчез в темных зарослях. Брок только сейчас заметил, что совершенно взмок.

Он заставил себя побродить по лесу несколько часов, но больше не увидел ничего особенного. Домой он вернулся погруженный в мысли. Да, животные изменились, но до какой степени, сказать было трудно, как и то, что они теперь будут делать. Может, ничего не будут.

– Я тут подумал, – сказал Восс, когда Брок вернулся в дом, – может, лучше объединиться с другим фермером? Ральфу Мартинсону нужны рабочие руки, его работник уволился.

– Я не уеду.

Восс бросил на него прохладный взгляд.

– Потому что не хочешь снова быть дебилом?

Брок скривился, но ответил ровным тоном:

– Называй как хочешь.

– Я не намерен оставаться здесь на веки вечные.

– Тебя никто и не заставляет. Пошли, пора доить коров.

– Какого черта! Что ты собираешься делать с молоком от тридцати коров? Грузовик с маслозавода не приезжает третий день.

– Ммм, да... потом что-нибудь придумаю. А сейчас нельзя допустить, чтобы у коров лопнуло вымя.

– Почему нельзя? – пробормотал Восс, но все-таки поплелся за Брокком в хлев.

Дойка тридцати коров – нелегкая задача даже с помощью механизации. Большинство коров Брок решил отпустить, однако надои полагалось сокращать постепенно. В настоящую минуту коровы беспокоились и не слушались команд. Он вышел, взял вилы и начал набрасывать через забор сена для овец, по заведенной привычке явившихся из леса на кормежку. Из хлева вдруг раздался дикий визг Восса. Обернувшись, Брок увидел приближающегося здорового быка голштинской породы.

Вырвался! Брок схватился за пистолет на поясе, потом опять за вилы. Пугач бесполезен против такого монстра. Бык фыркнул, взрыл копытом землю и потрянул головой с обрезанными рогами.

– Ладно, приятель, – Брок медленно двинулся быку навстречу, облизывая сухие, как песок, губы. Сердце гулко стучало в ушах. – Спокойно, возвращайся в хлев.

Джо сделал стойку рядом с хозяином и зарычал. Бык нагнул голову и бросился в атаку.

Брок собрал волю в кулак. Гигантская туша заслонила небо.

Вилы вошли в горло быка под нижней челюстью. Брок сразу же понял, что допустил ошибку – надо было целить в глаза. Вилы вырвало у него из рук, он сам кувырком полетел на землю. Бык тыкал лбом в грудь Брока, пытаясь проткнуть его несуществующими рогами.

Зверь вдруг взревел от ужаса и боли. Джо подкрался сзади и схватил быка за причинное место. Гигант развернулся, задев копытом ребра лежащего. Брок выхватил пистолет и выстрелил снизу вверх. Потом кое-как встал и подскочил к могучей башке животного. Приставив пистолет к уху, он нажал на спуск. Бык споткнулся, упал на колени. Брок разрядил в его череп всю обойму.

После чего сам упал на труп, улета в темный колодец.

Он пришел в себя из-за того, что его тряс Восс.

– Ты ранен, Арчи? – послышался в ушах бессвязный лепет. – Ты ранен?

Брок позволил отвести себя в коттедж. После бокала виски ему полегчало, и он осмотрел свое тело.

– Я в порядке. Ссадины, порезы, обошлось без переломов. Все нормально.

– Говорить больше не о чем. – Восс трясло больше, чем Брока. – Мы уезжаем. Рыжая голова качнулась.

– Нет.

– Ты с ума сошел? Мы здесь одни, животные вырвались на волю, все летит к черту! Ты с ума сошел?

– Я остаюсь.

– А я нет! И даже готов взять тебя за компанию.

Джо заворчал.

– Ни к чему. – Брок вдруг почувствовал страшную усталость. – Хочешь уехать? Уезжай. А меня не трогай. Я и один проживу.

– Ну тогда...

– Завтра отгоню часть стада к Мартинсону, если он согласится принять. С остатком сам управлюсь.

Восс еще немного поспорил, махнул рукой, взял джип и уехал. Брок улыбался, сам не зная чему.

Он сходил в бычий хлев. Ворота были сломаны умышленно. Наполовину надежность изгороди всегда держалась на непонимании животными простой истины – она не выдержит, если ее постоянно расшатывать. Теперь, видимо, поняли.

– Чтобы закопать этого великана, понадобится бульдозер. – В последнее время Брок не находил ничего необычного в разговорах вслух с собакой. – До завтра подождет. Давай перекусим, приятель, а потом почитаем и послушаем музыку. Мы с тобой, похоже, остались одни.

Глава 6

Город – сложный организм, Коринф прежде не обращал внимания на тонкость и хрупкость его балансировки. Теперь она исчезла, и Нью-Йорк быстро скатывался к хаосу и смерти.

Работали лишь несколько линий подземки – костяк системы, которой управляли люди, преданные работе, ставшей для большинства скучной и муторной. Пустые, темные станции были завалены неубранным мусором, визг вагонных колес говорил о муках одиночества. Коринф ходил на работу по грязным улицам, от прежнего непрерывного потока машин остались жалкие ошметки, никакие дорожные правила не соблюдались.

Память пятидневной давности: забитые машинами улицы, гудки и вопли, от которых дрожали оконные стекла на верхних этажах, удушливые выхлопные газы, – слепая паника, жители покидали город, решив, что ему настал конец, бежали из него со средней скоростью пять миль в час. Два автомобиля сцепились бамперами, водители выскочили и дрались, пока не превратили лица друг друга в кровавое месиво. Над головой гигантскими мухами бессильно кружили вертолеты полиции. Грустно сознавать, что возросший в несколько раз интеллект был не в силах остановить животный страх и давку.

Оставшиеся – не более чем три четверти прежнего населения города – пока еще кое-как сводили концы с концами. Бензин, вода и электроэнергия были жестко нормированы, но не пропали. Из сельских районов все еще ручейком текли продукты питания, хотя брать приходилось то, что дают, и платить втридорога. Город напоминал закипающую кастрюлю, из которой кипятки вот-вот хлынут наружу.

Память трехдневной давности: второй бунт в Гарлеме, где страх перед неизвестным и застарелые расовые обиды выплеснулись в борьбу безо всякого повода – незрелые умы еще не научились обуздывать свою силу. Мощный гул пожара в доходных домах, гигантские алые языки пламени лижут ночное небо. Зыбкие блики – как кровь на тысячах черных лиц, по улицам неприкаянно бродят плохо одетые люди. Внезапный блеск ножа, вонзающегося в человеческую глотку. Надсадный вой, заглушаемый треском пожара. Вопль женщины, сбитой с ног

и затоптанной в кашу сотнями бегущих ног. Вертолеты, которые восходящие потоки горячего от пожара воздуха швыряют туда-сюда, как щепки. А наутро – пустые улицы, пелена горького дыма, приглушенные всхлипы за опущенными ставнями.

На углу произносил гневную речь оборванец с клочковатой бородой. Его окружал и со странным напряженным вниманием слушал десяток человек. В тишине отчетливо звучали громкие, резкие слова: «...потому что мы позабыли вечные принципы жизни, позволили ученым обмануть нас, поверили яйцеголовым. Воистину говорю вам: жизнь имеет смысл лишь в подчинении великому Единству, при котором все за одного и один за всех. Смотрите! Я несу вам мир возвращенного...»

У физика по коже побежали мурашки, он поспешно свернул за угол. Кто это был? Миссионер культа Третьего Баала? Он не знал и не желал знать. И ни одного полицейского поблизости. Если новая религия завоеует в городе много сторонников, жди больших неприятностей. Увидев, как женщина зашла в католическую церковь по соседству, Коринф немного успокоился.

Из-за угла на двух колесах вылетела машина такси, чуть не врезалась в припаркованный автомобиль и, рыча двигателем, унеслась. По улице медленно проехал еще один автомобиль, водитель с перекошенным лицом, пассажир вооружен дробовиком. Страх. Магазины по обе стороны улицы заколочены, открыта всего одна продуктовая лавка, у владельца на поясе пистолет. В грязной подворотне многоквартирного жилого дома сидел, не обращая внимания на окружающий мир, и читал «Критику» Канта какой-то старик.

– Мистер, я не ел два дня.

Коринф взглянул на вынырнувшую из переулка фигуру.

– Извините, – ответил он, – у меня с собой всего десять баксов. По нынешним временам едва ли хватит на одну порцию.

– Господи, я не могу найти никакую работу...

– Сходи в городскую администрацию, друг. Они дадут тебе работу и накормят. Им срочно требуются люди.

– К этим ничтожествам? – презрительно сказал незнакомец. – Подметать улицы, вывозить мусор, доставлять жратву? Я скорее сдохну с голода!

– Ну и подыхай, – буркнул Коринф и прибавил шагу. Тяжесть револьвера в кармане поднимала настроение. После всего увиденного он не жалел подобных типов.

Но разве можно было ожидать чего-то другого? Взять хотя бы обычного человека, работника завода или конторы: острота его разума была притуплена до набора вербальных рефлексов, будущее не обещало ничего, кроме каждодневной пахоты, позволяющей набить брюхо да принять обезболивающее в виде кино или телевидения, мечта – автомобиль побольше, вещицы из пластика поярче. Очередной шаг по дороге хваленного американского образа жизни... Еще до перемен западная цивилизация прониклась ощущением духовной пустоты, невольным пониманием того, что жизнь не сводится к эфемерному «я» и идеал не становится ближе. И тут, буквально за одни сутки, человеческий интеллект взлетел на невообразимую высоту. Перед трудягой открылась новая вселенная, у него в голове закипели непрошенные образы будущего, осеняющие догадки и мысли. Он увидел жалкую несостоятельность собственной жизни, мелочность своего труда, узость и бессмысленность верований и традиций – и отрекся от них.

Разумеется, ушли не все и даже не большинство. Однако отказников было достаточно много, чтобы шестеренки технологической цивилизации со скрежетом замедлили ход. Резкое сокращение добычи угля лишит работы производителей стали и машин, даже если они ее не бросят. Добавьте к этому беспорядки, вызванные смятением чувств, и...

На ступеньках перед домом сидел и, обхватив колени руками, раскачивался юноша. Коринф остановился.

– В чем дело?

– Страшно. – На него уставились блестящие, остекленевшие глаза. – Я вдруг понял, что совершенно один.

Разум Коринфа успел сделать скачок и предложить ответ, но его остановило невнятное бормотание:

– Все, что я знаю, все, кем являюсь, – вот здесь, в голове. Мир существует только в моих ощущениях. И я однажды умру. – Из уголка рта парня потекла слюна. – Однажды наступит великая тьма, и меня не будет, ничего не будет! Вы все еще будете существовать, – хотя как я могу быть уверен, что вы не мой сон? – для меня же ничего не будет существовать, ничего. Не останется даже памяти о том, что я был.

Из глаз юноши потекли редкие слезы. Коринф пошел дальше.

Помешательство? Да, и оно определенно вызвано крахом. Свою неспособность справиться с резким обострением восприятия, вероятно, обнаружили многие миллионы людей. Они не знают, как распорядиться новой силой, и она сводит их с ума.

Коринф поежился, ему стало зябко в горячем неподвижном воздухе.

Институт был раем на земле. На входе сидел охранник, поперек кресла – автомат, на коленях – учебник химии. Охранник повернул к физику серьезное лицо.

– Привет!

– Без происшествий, Джим?

– Пока да. От мародеров и фанатиков можно ожидать чего угодно.

Коринф кивнул, ощущая, как скованность покидает мышцы. Еще находились рациональные люди, не побежавшие расплачиваться фальшивыми векселями, стоило им вспомнить о звездах на небе, а спокойно выполнявшие свои прямые обязанности.

Лифтером работал семилетний сын одного из сотрудников института.

– Здрасьте, сэр, – весело поздоровался мальчишка. – Я ждал вас. Как Максвелл, черт побери, придумал свои уравнения?

– Что? – Взгляд Коринфа упал на книгу, лежащую на сиденье. – А-а, изучаешь радиотехнику? Кадоган довольно сложен для начинающих, тебе следовало бы взять для начала...

– Принципиальные схемы я уже видел, мистер Коринф. Теперь я хочу понять, каким образом они работают. Уравнения приводит один Кадоган.

Коринф посоветовал побольше узнать о векторном исчислении.

– Когда закончишь, приходи.

Физик, улыбаясь, вышел на седьмом этаже, но в лаборатории улыбка сползла с его лица. Там его ждал Льюис.

– Опоздал, – буркнул он.

– Шейла.

Разговоры быстро приобретали новый языковой формат. Когда твой мозг работает с учетверенной скоростью, одно слово, один жест, мимолетная гримаса могут сообщить тому, кто хорошо знаком с тобой и твоими повадками, больше, чем целые параграфы грамматически правильной речи.

Льюис хотел сказать: «Что тебя задержало? У тебя какие-нибудь неприятности?»

А Коринф ответил ему: «Я опоздал из-за Шейлы. Она плохо на все это реагирует, Нат. Если честно, я за нее переживаю. Но что я могу поделать? Я перестал понимать человеческую психологию, она слишком сильно и слишком быстро изменилась. И никто ее не понимает. Мы становимся чужаками друг другу и себе самим, причем все быстрее».

– Идем. Россман. Вызов на планерку.

Они прошли по коридору мимо Йохансона и Грунвальда, занятых работой – измерением изменившихся постоянных физического мира, калибровкой приборов, выполнением всех неохватных базовых задач, начиная с самых азов.

По всему корпусу отделы заново воссоздавали профиль своих прежних дисциплин. Кибернетика, химия, биология и прежде всего психология – ученые забыли про сон, дел было невпроворот.

Начальники отделов собрались за длинным столом в главном конференц-зале. Во главе стола восседал Россман – высокий, худой, седовласый, аскетичные черты лица застыли без движения. По правую руку от него сидела Хельга Арнульфсен, по левую – Феликс Мандельбаум. На мгновение Коринф удивился – что здесь делает профсоюзный вождь? Но тут же вспомнил: Феликс представлял городскую администрацию.

– Добрый день, господа. – Россман педантично выполнил допотопный ритуал приветствия, который в иных обстоятельствах показался бы смешным, если бы не очевидное отчаянное стремление ухватиться за что-то осязаемое и знакомое. – Прошу садиться.

Похоже, все уже собрались, потому что Россман сразу перешел к делу.

– Я только что вернулся из Вашингтона. Я созвал вас, потому что срочный обмен мыслями и информацией больше нельзя откладывать. Вы почувствуете облегчение, когда я представлю вам общую картину, а я буду доволен, узнав, какие объяснения этому явлению вы обнаружили. Сообща мы могли бы составить разумный план.

– Что касается объяснений, – взял слово Льюис, – то почти все в институте согласны, что теория доктора Коринфа верна. Она постулирует существование силового поля частично электромагнитного характера, создаваемого гиромангнитными процессами в атомных ядрах материи, находящейся вблизи центра галактики. Поле распространяется в форме конуса и, достигнув нашего участка космоса, имеет протяженность в несколько световых лет. Оно тормозит определенные электромагнитные и электрохимические процессы, среди которых наиболее важное место занимает функционирование нейронов определенного типа. Мы полагаем, что Солнечная система, вращаясь вокруг центра галактики, вступила в это силовое поле много миллионов лет назад – скорее всего еще до окончания мелового периода. Вне всяких сомнений, многие виды, жившие в этот период, вымерли. Однако жизнь в целом сохранилась, нервная система организмов приспособилась к тормозящему влиянию и приобрела повышенную эффективность. Короче говоря, все ныне существующие формы жизни до наступления перемен сохраняли свой обычный уровень интеллекта.

– Понятно, – кивнул Россман. – Но потом Солнце и планеты вышли из силового поля.

– Да. Очевидно, границы поля довольно четко очерчены, как нередко бывает в астрономии, ведь изменения произошли буквально в считанные дни. Кромка поля, начиная от зоны полной интенсивности до зоны его полного отсутствия, вероятно, имеет ширину не более десяти миллионов миль. Мы определенно преодолели этот участок – физические постоянные не меняются вот уже несколько дней.

– Чего не скажешь о наших мозгах, – мрачно констатировал Мандельбаум.

– Знаю, – перебил его Льюис. – К этому я через пару минут вернусь. Общим эффектом ухода Земли из поля торможения явилось внезапное усиление интеллекта всех живых существ, имеющих мозг. Сдерживающая сила, на которую ориентировался каждый живой организм, внезапно исчезла.

Естественно, исчезновение этой силы вызвало сильнейший разлад. Нервная система людей брыкалась, пытаясь стабилизироваться и нащупать рабочий ритм на новом уровне. Вот почему все были как на иголках и перепуганы. Физическая топология головного мозга рассчитана на определенную скорость или, точнее, на несколько скоростных режимов передачи сигналов нейронами. А теперь скорость внезапно увеличилась, в то время как физическая структура осталась той же. Проще говоря, прежде чем мы к этому привыкнем, пройдет некоторое время.

– Почему мы еще живы? – спросил химик Грахович. – Можно было ожидать, что человеческое сердце начнет работать в сумасшедшем режиме.

– Автономная нервная система почти не пострадала, – объяснил Льюис. – Похоже, все дело в типе клеток. Нервные клетки, знаете ли, бывают разных видов, и больше всего перемены затронули, очевидно, клетки коры головного мозга. Но даже их деятельность не ускорила на значительную величину, коэффициент невелик, однако связанные с сознанием процессы настолько тонки, что разница для нашего мышления оказалась невероятной.

– Значит, мы выживем?

– О, да. Я уверен, что это явление не нанесет вред физиологии человека. Конечно, некоторые повредились в уме – скорее, по психологическим, чем гистологическим причинам.

– А мы не угодим в еще одно силовое поле? – спросил Россман.

– Вряд ли, – ответил Коринф. – Я уверен, что в отдельно взятой галактике может существовать только одно такое поле. Солнце делает виток вокруг центра галактики за двести миллионов лет. Пройдет, возможно, больше половины этого времени, прежде чем мы снова поглупеем.

– Гм. Прекрасно, господа, огромное вам спасибо. – Россман, сцепив перед собой тонкие пальцы, подался вперед. – Теперь о том, что удалось узнать мне: новостей немного, и все они плохие. В Вашингтоне царит бедлам. Многие ключевые сотрудники оставили свои посты. Похоже, в жизни есть вещи поинтереснее надзора за исполнением закона номер такого-то...

– Боюсь, они правы, – язвительно заметил Льюис.

– Кто бы сомневался. Однако посмотрим правде в глаза, господа. При всей нашей нелюбви к существующей системе ее нельзя отбросить в одночасье.

– Что слышно из-за границы? – спросил математик Уэллер. – Как там Россия?

– Мы сейчас неспособны к отражению вооруженной агрессии. По счастью, если верить остаткам нашей военной разведки, советский режим сам столкнулся с серьезными проблемами.

Россман вздохнул.

– Прежде всего, господа, беспокоиться нужно о развале у себя дома. Вашингтон с каждым днем становится беспомощнее: все меньше людей прислушиваются к командам и призывам президента, все меньше сил остается в его распоряжении. Во многих районах уже объявлено военное положение; тем не менее попытки заставить соблюдать его силой будут означать гражданскую войну. Реорганизация должна происходить без участия центра. Такова главная новость, которую я привез.

– Мы в Нью-Йорке уже начали работу в этом направлении, – сказал Мандельбаум. Многие дни и ночи непрерывных бдений оставили на его лице печать изнеможения. – Я консолидировал профсоюзы. Принимаются меры по завозу и распределению продовольствия. Мы надеемся, что за порядком поможет следить добровольное ополчение.

Он обратился к Россману.

– Вы талантливый организатор. Ваши прочие инвестиции, ваши компании и заводы терпят крах, а работы невпоровот. Вы нам поможете?

– Разумеется, – кивнул старик. – Институт тоже нужно поддержать. Мы должны знать, что произошло и чего ждать в ближайшем будущем. Тысячи проектов надо начать завтра же, если не раньше.

Обсуждение перешло на организационные вопросы, по которым Коринф мало что мог предложить. Ему не давали покоя мысли о жене. Прошлой ночью она вскочила с постели с дикими воплями.

Глава 7

Шаман Вато, сидя перед крытой пальмовыми листьями хижинкой, рисовал пальцем фигуры в пыли и что-то бормотал себе под нос. М'Ванзи слышал его бормотание сквозь лязг оружия и гулкий бой барабанов, под который двигались ряды воинов:

– ...Закон подобия – одинаковое дает в итоге одинаковое – можно выразить в форме «а» или «не-а», тем самым показав, что эта форма колдовства подчиняется правилу всеобщей причинности...

М'Ванзи, проходя мимо, бросил на шамана удивленный взгляд. Пусть старик лепит из пыли свои фантазии. А для самого М'Ванзи реальна винтовка на плече, больше ему ничего не надо. Давнюю мечту воплотит в жизнь оружие, а не колдовство.

Свободу чернокожим! Выгнать белых угнетателей обратно за океан! Это было мечтой всей его жизни, начиная с юности и кошмарных дней, проведенных на плантации. И только теперь...

В отличие от других он не испугался того, что происходило в его душе. М'Ванзи мгновенно ухватился за способность мыслить, его воле подчинились целые племена, наполовину потерявшие рассудок от страха, готовые поддержать любого, кто возьмет на себя трудные решения. На протяжении тысячи миль, от джунглей Конго до вельдов на юге, затравленные, поработанные и оплеванные, услышав разнесенную ветром весть, поднимали усталые лица. Настало время удара, пока белые не опомнились. План был уже готов, созрел в сердце М'Ванзи, Большого Слона, выступление начнется через несколько дней. Вкрадчивые уговоры убедили вождей сотен конфликтующих племен, близится время свободы!

Повсюду стучали барабаны. М'Ванзи раздвинул заросли сахарного тростника и вступил в дышащую жаром, сумрачную лесную чащобу. С дерева прыгнула тень, пробежала по земле и замерла перед ним – карикатура на человека. Умные карие глаза смотрели с природной грустью.

– Ты собрал лесных собратьев? – спросил М'Ванзи.

– Они скоро явятся, – ответила обезьяна.

Великая догадка М'Ванзи стала его главным козырем. Все остальное – организация дела, планирование схватки – ничего без нее не стоило. Он понял: если души людей увеличились в несколько раз, то и души животных должны были вырасти. Догадку подтвердили ужасные рассказы о налетах на фермы невероятно коварных слонов. Но когда эти новости только начали поступать, он уже разрабатывал язык щелчков и гортанных звуков с пойманным шимпанзе. Человекообразные приматы не уступали по уму человеку – М'Ванзи всегда это подозревал. Сегодня он мог многое предложить им в обмен на помощь. В конце концов, они такие же жители Африки, как и он.

– Мой лесной собрат, ступай и скажи своим – пусть приготовятся.

– Не все этого хотят, мой полевой собрат. Их приходится лупить палкой, чтобы захотели. Требуется время.

– Времени у нас мало. Бейте в барабаны, как я учил. Отправьте сигнал, пусть хозяева земли соберутся в назначенных местах.

– Все будет исполнено. С наступлением полной луны дети леса будут на месте, вооруженные ножами, духовыми трубками и ассагаями, как ты учил.

– Лесной собрат, ты принес радость моему сердцу. Желаю удачи, всем передай мои слова.

Шимпанзе ловко вскочил на дерево. За спиной сверкнул на солнце ружейный ствол.

* * *

Коринф вздохнул, зевнул и, отодвинув бумаги, встал из-за стола. Он ничего не сказал вслух, но ассистенты, возившиеся с испытательным прибором, все прекрасно поняли без слов. (К черту! Я слишком устал, мозги отказываются работать. Иду домой.)

Йохансон сделал жест – с таким же успехом он мог бы выразить мысль словами. (А я, пожалуй, еще немного задержусь, босс. Придумка, похоже, работает.)

Коринф полез в карман за сигаретами, но там было пусто. Последнее время сигареты невозможно было купить. Надежда на то, что мир вскоре вернется в нормальное русло, таяла с каждым днем. Что, интересно, происходит за городом? Несколько профессиональных и любительских радиостанций поддерживали неустойчивую сеть сообщений в Западной Европе, Америке и Тихоокеанской зоне. Остаток планеты словно провалился в черную дыру. Иногда ночью, как молния, прилетало редкое сообщение о кровавых стычках, и потом опять наступала тишина. Еще вчера Мандельбаум предупреждал смотреть в оба. Миссионеры Третьего Баала, несмотря на все предосторожности, проникли в город и обращали в свою веру кого ни попадя. Новая религия оказалась совершенно дикой, исповедовала смертельную ненависть к логике, науке и рациональности любого рода и грозила большими неприятностями.

Коринф шел по коридорам, превратившимся в темные туннели. Электроэнергию берегли, работу продолжали всего несколько электростанций, которыми управляли добровольцы. В конце светового дня лифт отключали, и Коринф, спускаясь по лестнице, преодолевал семь этажей. Он измучился от одиночества, а потому, увидев свет в кабинете Хельги, остановился и постучал.

– Войдите.

Коринф открыл дверь. Хельга сидела за письменным столом, заваленным бумагами, и быстро писала какое-то заявление. Она пользовалась новыми условными значками. Возможно, сама же их изобрела для собственного удобства. Хельга была по-прежнему очень красива, однако глаза коллеги поблекли от усталости.

– Привет, Пит! – сказала Хельга. Губы скривились в улыбке, усталой, но теплой. – Как дела?

Коринф произнес два слова и сделал три жеста. Пробелы Хельга восполнила с помощью логики и знания его манеры выражаться. (А-а, все нормально. Разве Феликс не привлек тебя к формированию нового правительства?)

(Привлек) жестом ответила она. (Но я лучше чувствую себя в своем кабинете и могу выполнять работу в любом месте. Кстати, кого назначили на мою прежнюю должность?)

(Билли Сондерса. Десять лет от роду, очень смысленый. Возможно, лучше было бы найти дебила. Физическую нагрузку ребенок может не потянуть.)

(Не думаю. Дел сейчас на самом деле не так уж много. Вы, ребята, отлично взаимодействуете – не то что весь остальной мир!)

– По-моему, ездить так далеко на работу опасно. – Коринф смущенно переступил с ноги на ногу. – Давай я провожу тебя домой.

– В этом нет нужды. – Ответ получился довольно едким, и Коринф запоздало догадался, что Хельга в него влюблена.

Все наши эмоции накопились. Я раньше не подозревал, как сильно эмоциональная жизнь человека связана с его мозгом, насколько острее животного он чувствует.

– Присядь, – предложила Хельга. – Отдохни немного.

Коринф понуро опустил на стул.

– Пива бы сейчас, – пробормотал он. (Как в былые времена.)

– Былые времена – утраченная невинность. Мы всегда будем о них сожалеть, верно? Всегда будем озира́ться на нашу слепоту с ностальгией, которую не понять новому поколению. – Хельга слегка стукнула кулаком по столу. Узел волос на ее голове отливал золотом. – Как идет работа? – спросила она через некоторое время.

– Неплохо. Я говорил по коротковолновой связи с Рейадером в Англии. Они держатся, хотя и с трудом. Английские биохимики работают с дрожжами, получают хорошие результаты. К концу года должны наладить производство еды в достаточном количестве – пока что невкусной, но заводы синтетической пищи уже строятся. Рейадер передал кое-какую информацию, практически полностью подтвердившую теорию тормозящего поля. О том, как оно возникло. Я поручил Йохансону и Грунвальду смастерить аппарат, воссоздающий такое же поле, только в малом масштабе. Если у них получится, можно будет считать, что наша гипотеза подтвердилась. После этого Натан воспользуется этим прибором для подробного изучения биологических эффектов. Со своей стороны, я буду развивать общую квантовую релятивистскую механику Рейадера в сочетании с новым вариантом теории передачи информации.

– Какой у тебя интерес помимо любопытства?

– Можешь не сомневаться, очень даже практический. Если повезет, мы найдем способ генерации ядерной энергии из любого материала путем прямого деления ядра. Проблемы горючего будут сняты. Не исключено, что мы откроем способ путешествовать быстрее скорости света. К звездам и...

– ...Новым мирам. Или выйти в космос и вернуться в прежнее тормозящее поле, почему бы и нет? Снова поглупеем. Возможно, люди будут только довольны. Нет-нет, ты-то, конечно, не вернешься – я знаю. – Хельга открыла ящик стола и достала помятую пачку. – Курить хочешь?

– Ты ангел! Где ты умудрилась достать сигареты?

– У меня свои каналы. – Она дала ему прикурить от зажженной спички и от нее же прикурила сама. – Пока еще работают.

Некоторое время они молча дымили, читая бледные сполохи мыслей друг друга.

– Давай я тебя провожу, – повторил Коринф. – На улицах небезопасно. Банды пророка...

– Хорошо, – согласилась Хельга. – Однако у меня есть машина, а у тебя нет.

– От твоего дома до моего всего несколько кварталов, и район спокойный.

Следить за порядком во всем гигантском городе власти были не в состоянии, поэтому патрулирование сводилось к нескольким ключевым районам и улицам.

Коринф снял очки и потер глаза.

– Никак не возьму в толк, – сказал он. – Человеческие взаимоотношения всегда оставались для меня загадкой. Почему внезапный скачок интеллекта отбросил так много людей на уровень животных? Почему они не прозрели?

– Они не хотят прозревать. – Хельга глубоко затянулась. – Требуется не просто уметь думать, а думать о чем-то конкретном. Речь идет о миллионах, сотнях миллионов людей, кому в голову ни разу в жизни не приходило ни одной оригинальной идеи, – и вдруг их мозги переключились на повышенную скорость. Думать-то они начали, но от чего им оттолкнуться? Прежние суеверия, предрассудки, ненависть, страхи и алчность никуда не делись, и основная часть новой умственной энергии уходит у них на поиски оправданий этим побуждениям. Тут появляется некто вроде Третьего Баала и предлагает напуганным и сбитым с толку людям анестезию, говорит, что им позволено сбросить с себя ужасное бремя мышления, погрузиться в водоворот эмоций. Это все ненадолго, однако в переходный период мало не покажется.

– Да... гм... Пока мой ай-кью не дошел до пятисот, я не мог по достоинству оценить, как мало значат мозги. Ничего себе мыслишка. – Коринф поморщился и затушил сигарету.

Хельга собрала бумаги и сунула их в ящик стола.

– Ну что, пойдем?

– Да. Почти полночь уже. Шейла наверняка волнуется.

Они пересекли пустое фойе и, миновав пост охраны, вышли на улицу. Машина Хельги стояла в луже тусклого света, отбрасываемого одиноким уличным фонарем. Хельга села за руль, и автомобиль, тихо урча, двинулся по ночной улице.

– Уехать бы... – вяло проговорила она из темноты. – Уехать бы отсюда куда подальше. Куда-нибудь в горы.

Коринф кивнул, вдруг в свою очередь ощутив острую тоску по чистому небу и яркому свету звезд.

Толпа преградила дорогу так быстро, что они не успели ничего предпринять. Минуту назад они ехали по пустой улице, окруженной глухими стенами, и тут люди вдруг начали выскакивать точно из-под земли. Толпа бесшумно – за исключением тихого ропота и шарканья тысяч ног – хлынула из всех переулков, в свете фонариков там и сям сверкали оскаленные зубы и белки глаз. Хельга со скрежетом затормозила, чтобы не врезаться в загородившую проезд людскую массу.

Им костиломайте, их дома разорайте, дети греха, их женщин берите, бурлите, долбите и дверь отворите – Третьего Баала выпускайте!

За рядом высоких зданий мелькал огонь – что-то горело.

Видимо, прорвали оцепление, пронзила ум Коринфа отчаянная мысль, вторглись в охраняемый район, чтобы разгромить его, пока не прибыли подкрепления.

В окно водителя пролезла грязная, бородастая, вонючая рожа.

– Ага! Баба! У них там баба!

Коринф выхватил из кармана плаща пистолет и нажал на спуск. Он отстраненно осознал отдачу, треск выстрела и то, что руку обожгло пороховыми газами. Лицо за окном застыло на бесконечно долгое мгновение и расплылось в кровавую кляксу. Клякса медленно сползла вниз, толпа взревела. Машина зашаталась под ее напором.

Коринф собрал волю в кулак и толчком изнутри открыл дверцу, упираясь ей в клубок тел. Когда он взбирался на капот, его попытались схватить за щиколотки. Коринф дрыгнул ногой, почувствовал, как каблук въехал кому-то в зубы, и встал во весь рост. Лицо освещало зарево пожара. Он машинально снял очки – человек в очках вызывал злобу. Огонь и толпа смешались в зыбкое море.

– Слушайте меня! – крикнул он. – Слушайте меня, люди Баала!

Мимо уха сердитой пчелой прожужжала пуля, он даже не успел испугаться.

– Слушайте слова Третьего Баала!

– Дайте ему сказать! – раздался одинокий голос из бурлящей реки теней.

– Гром и молнии, бомбы, летящие градом! – кричал Коринф. – Ешьте, пейте, веселитесь, ибо наступает конец света! Слышите, как планета трещит у вас под ногами? Это ученые запустили большую атомную бомбу. Мы едем убить их, прежде чем мир расколется, как гнилой орех. Вы с нами?

Толпа заколебалась, заворчала, начала топтаться на месте от неуверенности. Коринф продолжал неистовую речь, едва сознавая, что несет.

– ...Убивайте, хватайте добычу, женщин! Громите винные магазины! Огонь, очищающий огонь – сожгите ученых, запустивших атомную бомбу. Сюда, братья! Я знаю, где они прячутся. Идите за мной!

– Смерть ученым! – прокатился между стенами-утесами Манхэттена набирающий похабную силу клич. Отрубленная голова на шесте пустилась в безумный пляс, свет пожара отражался от ее зубов.

– Сюда! – крикнул Коринф, указывая в сторону Бруклина. – Вот где они прячутся, люди Баала! Я сам видел большую атомную бомбу, видел собственными глазами и понял, что скоро

наступит конец света. Третий Баал велел мне указать вам дорогу. Пусть меня на месте испепелит молния, если я лгу!

Хельга нажала на клаксон. Мощный раскатистый гудок привел толпу в неистовство. Кто-то начал по-козлиному скакать, остальные подхватили порыв, толпа змеей поползла по улице.

Коринф, не в силах унять дрожь, прыгнул на землю.

– Поезжай за ними, – хватая ртом воздух, проговорил он. – Если мы за ними не поедем, они начнут нас подозревать.

– Конечно, Пит, – Хельга помогла ему сесть в машину и медленно поехала за толпой. В свете фар белели спины. Время от времени она подбадривала идущих впереди гудком.

В небе послышался стрекот. Коринф с присвистом дышал сквозь сжатые зубы.

– Поехали отсюда, – пробормотал он.

Хельга кивнула, развернула машину и помчалась по улице в обратном направлении. Позади вертолеты поливали разбегающуюся толпу слезоточивым газом.

После нескольких минут молчания Хельга остановилась у дома Коринфа.

– Приехали, – сказала она.

– Но ведь это я тебя провожал домой, – вяло возразил он.

– Да. И ты остановил этих типов, не позволив им причинить ущерб нам и нашему району. – На ее лице слабо светилась нервная улыбка, в глазах стояли слезы. – Это было чудесно, Пит. Я не думала, что ты на такое способен.

– Я и сам не думал, – сипло ответил он.

– Может, ты выбрал не ту профессию? Я слышала, проповедники зарабатывают больше нашего брата. Что ж... – Она на мгновение замолчала. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Хельга наклонилась вперед, приоткрыв рот, словно желая что-то добавить. Но тут же сомкнула губы и покачала головой. Гулко хлопнув дверцей, она укатила прочь.

Коринф смотрел вслед машине, пока та не скрылась из виду. Затем повернулся и медленно вошел в подъезд.

Глава 8

Припасы заканчивались – еда для себя, корм и соль для животных. Электричество отключили, а заправлять керосиновую лампу бензином ему не нравилось. Брок решил съездить в город.

– Оставайся дома, Джо, – наказал он псу. – Я скоро вернусь.

Собака кивнула – почти как человек. Джо все лучше понимал английский. Брок завел привычку разговаривать с псом и недавно составил поэтапную программу его обучения.

– Присмотри за хозяйством, Джо, – велел он, тревожно поглядывая на окраину леса. Затем заправил выдавший виды зеленый пикап горючим из больших бочек, сел за руль и выехал на дорогу.

Утро выдалось холодное и мглистое, в воздухе пахло дождем, горизонт скрывала дымка. Трясаясь на проселочной дороге, он отметил про себя, что все деревни вокруг обезлюдели.

Сколько времени прошло после изменений? Два месяца? Может, и в городе никого не осталось?

Повернув на шоссе штата, Брок выжал газ так, что зарычал мотор. Его не влекло к людям, и он желал побыстрее покончить с вынужденным делом. Куда лучше одиночество и покой. Да, работы было много, и она была тяжела, но в свободные часы он читал и размышлял, исследуя новые возможности своего разума, который, по его прикидкам, примерно соответствовал разуму гения до начала перемен. Брок спокойно принял жизнь анахорета – могло быть и хуже – и не рвался обратно в мир людей.

Несколько дней назад он съездил к Мартинсону, соседскому фермеру, но никого на месте не застал. Дом стоял пустой, заколоченный досками. Брок стало не по себе, и он больше не пытался кого-либо навещать.

Проплыли редкие дома окраин. На улицах не было ни души, однако жилье не выглядело покинутым. А вот большинство лавок закрылись; на него смотрели, заставляя ежиться, слепые глазницы окон.

Брок остановил пикап у супермаркета, теперь мало напоминающего магазин. Товар в нем имелся, но без ценников, человек за стойкой был не похож на продавца. Он просто сидел и... думал?

Брок подошел к нему, каблуки непривычно громко стучали по полу.

– Э-э, извините...

Человек посмотрел на него. В глазах мелькнуло узнавание, лицо осветила быстрая улыбка.

– А-а, привет, Арчи! – подчеркнуто медленно произнес он. – Как дела?

– Спасибо, хорошо. – Брок потупил глаза, не решаясь встретиться с собеседником взглядом. – Я... это... приехал кое-чего купить.

– Вот как? – В ответе проскользнул холодок. – Извини, мы больше не отпускаем товар за деньги.

– Ну, я... – Брок расправил плечи и заставил себя поднять глаза. – Да, понимаю. Федеральное правительство перестало работать?

– Не совсем. Просто оно нам не указ. – Мужчина покачал головой. – Сначала пришлось нелегко, потом, когда мы перестроились, все наладилось. Нам по-прежнему не хватает поставок извне, но, если понадобится, мы сможем держаться в таком режиме бесконечно.

– Социалистическая экономика?

– Ну нет, Арчи! Социализм – неподходящее определение, ведь он тоже основан на идее собственности. Что, по сути, означает право владения? Оно означает, что ты можешь поступать с имуществом, как тебе заблагорассудится. В таком понимании абсолютного права владения не существует нигде в мире. Дело символика. Человек говорил: «Это мой дом, моя земля», – и ощущал силу и уверенность, потому что «мое» было символом этого состояния, и он реагировал на этот символ. Сегодня мы больше не попадаемся на удочку подобного самообольщения. В прошлом оно играло важную роль, отвечало за самоуважение и душевное равновесие, но в наше время оно нам ни к чему. Нет никакого смысла связывать себя с конкретным участком земли, если экономическую функцию, которую он обслуживал, можно более эффективно выполнять другими способами. Поэтому большинство фермеров переехали в город и заняли брошенные дома тех, кто уехал отсюда насовсем.

– И вы сообща обрабатываете землю?

– Вряд ли это можно так назвать. Те, кто разбираются в механике, спроектировали машины, которые выполняют за нас почти всю работу. Просто удивительно, что можно смастерить из тракторного двигателя и всякого железного хлама, если как следует приложить мозги.

Мы нащупали свой уровень – по крайней мере, на данный момент. Те, кому это не понравилось, почти все разъехались, оставшиеся активно проводят социальные реформы под стать нашим изменившимся личностям. Новый уклад неплохо прижился.

– Тогда чем вы занимаетесь?

– Боюсь, я не смогу объяснить.

Брок отвел взгляд.

– Ну что ж, – сказал он наконец неожиданно севшим голосом. – Я живу один в усадьбе Россмана, и у меня кончаются припасы. А еще мне понадобится помощь со сбором урожая. Как насчет этого?

– Если хочешь вступить в наше общество, я уверен, что для тебя найдется место.

– Нет. Я просто хотел...

– Я настоятельно рекомендую присоединиться к нам, Арчи. Тебе понадобится поддержка коммуны. Жить в одиночку небезопасно. К нам незадолго до перемен приехал цирк, дикие животные разбежались, некоторые из них по-прежнему бродят на свободе.

Брок пробрал холод.

– Это, наверно, было... интересно.

– Да уж. – Мужчина слабо улыбнулся. – Мы сначала не обратили внимания, своих забот хватало, а когда заметили, было уже поздно – животные тоже поумнели. Одно из них, вероятно, носом открыло дверь клетки и выпустило других, чтобы замести следы. Несколько недель по городу бродил тигр, задрал нескольких детей, мы его так и не выследили – сам куда-то ушел. А слоны!.. Нет, жить одному опасно, Арчи. Кроме того, придется много вкалывать. Лучше попроси, чтобы тебе выделили место в нашей коммуне.

– Место? Какого черта! – Брок не смог сдержать гнев и горький сарказм. – Я всего лишь прошу немного помощи. В оплату можете забрать часть урожая. С новыми машинами для вас это будет пара пустьков.

– Ты можешь поговорить с другими. Я им не начальник. Окончательное решение примут Совет и Общественник. Боюсь, тебе придется выбирать: все или ничего. Не хочешь – не надо, Арчи, благотворительности от нас не жди. Это еще один устаревший символ. Если желаешь влиться во всеобщую экономику, – никакой тирании, она свободнее, чем все, что существовало до нее в мире, – то мы подыщем для тебя функцию.

– Другими словами, – глухо проговорил Брок, – я либо стану домашним животным и буду делать, что прикажут, либо остаюсь диким зверем, до которого никому нет дела. Для моего же блага, да? – Он повернулся на каблуках. – Иди ты знаешь куда!

По пути к пикапу его трясло. Хуже всего, думал он, то, что они правы. В половинчатом статусе парии долго не протянешь. В прошлом быть слабоумным было нестрашно, он слишком мало знал, чтобы что-то соображать. Теперь – другое дело, зависимость сломала бы ему хребет.

Брок со скрипом врубил передачу. Черт с ними! Он обойдется и без их помощи. Если нельзя быть наполовину укрощенным попрошайкой и не хочется быть домашним животным, то ничего не поделаешь – придется быть диким зверем.

Брок ехал обратно сломя голову. По дороге он заметил в поле загадочный агрегат с мелькающими руками. Машина выполняла всю работу одна под наблюдением единственного скупающего человека. Видимо, тот самый робот из подручных материалов. Подумаешь. У него есть свои две руки.

Чуть дальше к дороге приблизился участок леса. Броку показалось, что он заметил крупный серый силуэт. Туша слишком быстро скрылась из виду, чтобы как следует ее разглядеть.

Спокойствие вернулось, когда он подъехал к ферме и достаточно взял себя в руки, чтобы обдумать положение. Коровы будут давать молоко, масло и, может быть, сыр. Он поймал несколько куриц, они будут поставлять яйца. Иногда можно зарезать овцу. Минутку, почему бы не отстрелить одну из чертовых свиней? Мяса надолго хватит, на ферме имелась копильня. Можно собрать побольше сена, зерна и кукурузы – Тому и Джерри все же придется поработать! – чтобы пережить зиму. Если смастерить ручную мельницу, можно молоть грубую муку и печь свой хлеб. Одежды, обуви, инструментов – навалом. Главная проблема – соль. Но в пределах сотни миль должен найтись лизунец, можно попытаться его обнаружить и съездить за ним. Бензин – да, придется экономить и заготавливать на зиму дрова. И все же он был уверен, что справится. Так или иначе справится.

Объем работы приводил в ужас. Одна пара рук! Однако до него это делали другие, человечество никогда не знало легкой жизни. Придется поступиться удобствами и перейти на несбалансированную диету – от этого еще никто не умирал. К тому же он наделен выдающимся

по прежним стандартам умом. Он уже воспользовался им, составив график работ на весь следующий год и придумав разные штуки для облегчения работы. Ничего страшного, выдюжит.

Брок расправил плечи и выжал педаль газа, стараясь побыстрее вернуться домой и взяться за дело.

Когда он подъехал к дому, его оглушил шум – хрюканье, визг, треск досок. *Свиньи!* понял он, *свиньи наблюдали за ним и видели, как он уезжал...*

А пистолет остался дома.

Пикап с ревом взлетел по дорожке во двор фермы. Там царил кромешный хаос. Свиньи пыхтели и рывкали, как черно-белые танкетки. Ворота сарая были распахнуты настежь, свиньи добрались до мешков с кормом, прорвали в них дыры, катались в мучнистой массе, некоторые мешками тащили корм в лес. Тут же крутился бык, видимо, одичавший. Увидев человека, он фыркнул и заревел, свиньи заголосили, снесли забор пастбища и бросились на Брока. Во дворе валялись две затоптанные насмерть и разодранные в клочья овцы. Остальные овцы, видимо, в ужасе разбежались.

А где же...

– Джо, – позвал Брок. – Ты где, парень?

Шел легкий дождь, мелкий и мгlistый, размывал очертания леса, смешивался с кровью на земле. Мокрые бока старого борова блестели, как железные. Он поднял рыло, увидел машину и пронзительно взвизгнул.

Брок направил пикап прямо на него. Другого оружия у него не было. Боров отскочил, Брок затормозил перед самым сараем. Свиньи немедленно окружили пикап, толкая рылом в бока и колеса, яростно хрюкая. Бык наклонил голову и рыл копытом землю.

Джо бешено лаял с крыши птичника. Пес был в крови, выдержал жестокий бой, но каким-то образом умудрился вскочить на крышу и спастись.

Брок включил задний ход и развернулся, вклинившись в стадо. Свиньи разбежались в стороны; на узком пространстве он не мог набрать скорость, чтобы сбить хоть одну, а они не отступали. Бык бросился в атаку.

Бык протаранил машину лоб в лоб. Гигантская рука швырнула водителя на лобовое стекло.

Темнота с рваными краями постепенно расступилась. Бык, все еще стоя на ногах, шатался. Пикапу же пришел конец. Свиньи, похоже, это поняли и, ликуя, окружили человека.

Брок поднял сиденье. Под ним лежал увесистый разводной ключ.

– Ладно, – пробормотал Брок. – Только суньтесь.

Из леса и тумана вынырнула какая-то масса – огромная, серая, достающая до неба. Бык поднял ушибленную голову, фыркнул. Свиньи прекратили наступление, на минуту установилась тишина.

Словно гром, прогрохотал выстрел из дробовика. Старый боров, обезумев от боли, волчком завертелся на месте. Еще раз бабахнуло, бык испугался и бросился в лес.

Слон, проямлил разум Брока, мне на выручку пришел слон...

Громадная серая масса медленно двинулась на свиней. Те беспокойно бегали кругами, в глазах – страх и злоба. Боров рухнул на землю и, хрипя, выпускал дух. Слон согнул хобот кольцом и перешел на неожиданно грациозный бег. Свиньи бросились наутек.

Брок пролежал несколько минут слишком потрясенный, чтобы пошевелиться. Когда он, наконец, вылез из разбитой машины с бессильно опущенным гаечным ключом, слон стоял у скирды сена и спокойно набивал себе брюхо. На земле перед Броком сидели на корточках две невысокие волосатые фигуры.

Джо, жалобно лая, приковылял к хозяину.

– Спокойно, парень, – пробормотал Брок, глядя в мудрое лицо шимпанзе, вооруженного дробовиком. – Ладно. Ты здесь самый сильный. Чего ты хочешь?

Шимпанзе долго смотрел на него в упор. Это был самец. Вторая обезьяна, заметил Брок, была самкой. Он где-то читал, что тропические человекообразные обезьяны плохо переносят северный климат. Должно быть, сбежали из цирка, как говорил этот человек в магазине, стащили дробовик и захватили – или уговорили? – слона. А теперь...

Шимпанзе поехал. Очень медленно, не спуская глаз с человека, он положил дробовик на землю, подошел и подергал Брока за куртку.

– Ты меня понимаешь? – спросил Брок. Он слишком вымотался, чтобы удивляться фантастичности сцены. – Ты знаешь английский?

Примат не ответил – только продолжал дергать за куртку. Не сильно, но настойчиво. Выждав немного, животное длинным пальцем указало на одежду, потом на себя и самку.

– Ну что ж, – мягко откликнулся Брок. – Кажись, я тебя понял. Тебе страшно и нужна помощь человека, и ты не хочешь обратно в клетку. Правильно?

Никакой реакции кроме мольбы в карих глазах.

– Ладно, – сказал Брок. – Ты появился очень кстати и не убил меня, хотя легко мог это сделать. – Он глубоко вздохнул. – Видит Бог, мне пригодились бы помощники. Вы двое да слон, возможно, как раз то, что надо. И... и... Ладно.

Брок снял куртку и отдал ее шимпанзе. Примат что-то тихо прошептал и просунул руки в рукава. Одежда была обезьяне не впору, и Брок невольно рассмеялся.

– Хорошо. Будем дикими животными вместе. Согласен? Пошли в дом, поедим чего-нибудь.

Глава 9

Владимир Иванович Панюшкин стоял под деревьями, дождь капал с каски на плечи шинели. Шинель была хорошая, он снял ее с полковника после недавнего боя. То, что в разбитых сапогах хлюпало, не имело значения.

Видимости хватало до холма, опушки леса и балки, дальше все скрывала пелена дождя. Ничего нигде не шевелилось, лишь мерно падали дождевые капли, и кроме их стука не было слышно никаких звуков. И все же приборы говорили, что где-то рядом притаилась красноармейская часть.

Он взглянул на прибор, который поп нянчил на руках, точно ребенка. Под ручейками воды стрелка выглядела нечетко, но заметно колебалась. Владимир Иванович не понимал принципа работы прибора, поп смастерил его из трофейной рации, тем не менее устройство уже пару раз их выручило.

– Я бы сказал, что они от нас примерно в десяти километрах, Владимир Иванович. – Борода попа, когда он говорил, смешно шевелилась. Она слиплась под дождем и веревкой свисала на грубый зипун. – Рыскают кругами, не приближаясь. Может, их Бог водит за нос.

Панюшкин пожал плечами. Он не верил в Бога. Однако, когда «божий человек» предложил помощь в борьбе с советским режимом, не стал отказываться.

– Полагаю, у них другие планы, – ответил он. – Надо бы сначала спросить совета у Федора Александровича.

– Негоже так часто его использовать, сын мой. Он очень истомился.

– Мы все истомились, дружище, – равнодушно ответил Панюшкин. – Эта операция – ключевая. Если прорваться на Кировоград, Украина будет отрезана от остальной территории. Тогда украинские националисты смогут успешно поднять восстание.

Он просвистел несколько нот, имеющих особое значение. Музыка легко превращается в язык. Все восстание внутри советской империи отчасти зависело от тайного языка, придуманного буквально за сутки.

Чуткий вышел из мокрых кустов, за которыми скрывался отряд Панюшкина. Для своих четырнадцати лет Чуткий выглядел низкорослым, в глазах стояла пустота. Поп заметил на щеках парня чахоточный румянец, перекрестился и пробормотал молитву о здравии отрока. У него болела душа из-за того, что мальчишку так жестоко использовали. Однако свержение власти безбожников нельзя было откладывать в долгий ящик, и Чуткие были очень нужны. Они играли роль не поддающейся подслушиванию, помехам и обнаружению линии связи, объединяющей всех восставших от Риги до Владивостока. Лучшие из них служили шпионами. О таких агентах прежде не смели даже мечтать. Некоторые все еще повиновались хозяевам – из верноподданнических чувств, страха или корысти. Кроме того, у хозяев было намного больше оружия. Поэтому повстанцам приходилось изобретать совершенно новые способы ведения войны.

Люди могут ненавидеть правительство и одновременно терпеть его, потому что протестующего ждет смерть. Но если объединиться всем сразу – или хотя бы большинству – и попросту с убийственным непотребием перестать исполнять приказы, режим не сможет всех перестрелять. Отрезанный от крепких корней, земли и народа, режим уязвим, и для того, чтобы его снести, возможно, хватило бы меньше миллиона человек.

– Мы засекли красноречивых, – сказал Панюшкин. – Ты не мог бы посмотреть, что они замышляют, Федор Александрович?

Мальчишка сел на мокрый кособок и прикрыл глаза. Панюшкин угрюмо следил за его действиями. Парню и так с большим трудом удавалось поддерживать связь с десятью тысячами других Чутких на половине материка. Проникновение же в непохожие мозги истощало последние силы. Но это требовалось сделать.

– Ага... они о нас знают. – Голос мальчика звучал словно издали. – У них есть... Их металл нас чувствует. Это смерть! Они посылают нам смерть!

Чуткий открыл глаза, охнул и упал в обморок. Поп встал рядом с ним на колени, поднял на руки и бросил на Панюшкина осуждающий взгляд.

– Управляемые ракеты! – Командир крутнулся на месте. – Значит, у них теперь есть такие же детекторы, как у нас. Хорошо, что мы... что я проверил, да, поп? Уходим отсюда, пока не прилетели ракеты!

Владимир Иванович разбросал всякий металлический хлам, чтобы обмануть приборы противника, и увел своих людей по гребню холма. Пока военные будут обстреливать пустой лагерь ракетами, он подготовит удар в тыл.

Он не сомневался, что атака будет успешной – с помощью неведомого поповского Бога или без нее.

* * *

Феликс Мандельбаум едва успел опуститься в кресло, как селектор сообщил: «Гантри». Тон секретарши намекал на то, что визит важный. Феликс никогда не встречался с человеком по имени Гантри. Он вздохнул и посмотрел в окно. Улицы все еще накрывала прохладная утренняя тень, но день обещал быть жарким.

Внизу на перекрестке стоял танк, оборонявший городскую управу. Худшие бесчинства, похоже, закончились. После бесславной поимки пророка на прошлой неделе культ Третьего Баала начал быстро хиреть. С бандами уголовников расправлялось набирающее численность и опыт ополчение. В город возвращалось некоторое спокойствие. Однако трудно было сказать, кто еще рыскал в других округах, и, прежде чем будет установлен строгий контроль, могло случиться еще немало потрясений.

Мандельбаум откинулся в кресле, пытаясь расслабить затекшие мышцы. Под с трудом поддерживаемым слоем энергичности постоянно ощущалась усталость. Слишком много дел, слишком мало времени на сон. Феликс нажал кнопку звонка, что означало: «Впускай».

Гантри оказался высоким, костлявым мужчиной, дорогая одежда выглядела на нем, как снятая с чужого плеча. В недовольном голосе проскакивал акцент северной части штата.

– Мне сказали, что нынешний диктатор города – это вы.

– Не совсем, – улыбнулся Мандельбаум. – Я не более чем спец по разгребанию дерьма при мэре и городском совете.

– Ну да. Когда кругом одно дерьмо, его разгребатель становится главным начальником.

Ответ посетителя сочился едкой насмешкой. Мандельбаум не стал его поправлять, Гантри был недалеко от истины. Мэр едва справлялся с административными функциями. Мандельбаум же отличался гибкостью, умел помирить тысячи враждующих группировок, придумывал ловкие политические ходы – совет редко голосовал против его предложений.

– Присаживайтесь, – предложил хозяин кабинета. – Что вас беспокоит?

Бешено работающий разум знал ответ наперед, однако Феликс решил выиграть время.

– Я представляю огородников восьми округов. Меня послали выяснить, почему ваши люди нас грабят.

– Грабят? – с невинным видом переспросил Мандельбаум.

– Вы об этом знаете не хуже меня. Когда мы отказались принимать в оплату доллары, они попытались всучить нам городские расписки. А когда мы отказались и от них, сказали, что будут отбирать нашу продукцию силой.

– Я слышал. Некоторые наши парни ведут себя довольно бестактно. Прошу прощения.

Гантри сузил глаза.

– Вы обещаете, что они не станут угрожать нам оружием? Я очень надеюсь, потому что у нас тоже имеется оружие.

– А танки и самолеты у вас тоже есть? – Мандельбаум выдержал коротенькую паузу, чтобы до собеседника дошел смысл сказанного, и быстро продолжил: – Послушайте, мистер Гантри, в городе осталось шесть-семь миллионов жителей. Если не подвозить продукты питания, они умрут с голоду. Сможет ли ваша ассоциация сидеть сложа руки и наблюдать, как умирают от голода семь миллионов невинных мужчин, женщин и детей, в то время как у вас еды больше, чем вы сами способны съесть? Нет. Вы же нормальные люди. Вы на это не пойдете.

– Не знаю, – мрачно возразил Гантри. – После того что у нас натворила толпа городских в прошлом месяце...

– Поверьте, городская администрация сделала все возможное, чтобы их остановить. У нас не получилось, поднялась слишком сильная паника, и тем не менее мы не допустили, чтобы на вас набросился весь город. – Мандельбаум сложил ладони домиком и примирительно сказал: – Будь вы настоящие изверги, вы позволили бы людям умирать от голода. Да только они не будут умирать просто так. Рано или поздно они налетят на вас, и всему наступит конец.

– Конечно, конечно, – Гантри сцепил большие красные пальцы. Он сам не заметил, как оказался в обороне. – Мы на селе не собираемся создавать трудности. Просто... мы выращиваем для вас овощи, а вы нам не платите. Забираете и до свиданья. Ваши расписки ничего не стоят. Что на них можно приобрести?

– Пока ничего, – честно признал Мандельбаум. – Поверьте, это не наша вина. Люди в городе желают работать. Просто мы не успели все как следует организовать. Когда наладим дело, расписки обернутся для вас одеждой и машинами. Но если вы позволите нам умереть голодной смертью, где вы еще найдете рынок сбыта для своего товара?

– Все это уже обсуждалось на собрании ассоциации, – ответил гость. – Вот только где гарантии, что вы сдержите слово?

– Послушайте, мистер Гантри, мы готовы к сотрудничеству. Настолько готовы, что предлагаем вам включить вашего представителя в состав городского совета. Как в таком случае мы смогли бы вести двойную игру?

– Гмм... – Гантри прищурился. – Сколько всего членов в совете?

Они еще некоторое время торговались, после чего посетитель покинул кабинет, имея в запасе предложение о четырех местах и праве вето по вопросам, затрагивающим сельскую политику. Мандельбаум не сомневался, что огородники согласятся. Складывалось впечатление, что их сторона одержала победу.

Он улыбнулся. Как определить, что победа, а что нет? Вето ничего не значит, потому что сельская политика совершенно элементарна. Город, весь штат и вся страна только выиграют от воссоединения такого крупного района. Возможно, накопившиеся долги фермерам не придется платить вообще, – общество меняется так быстро, что через пару лет, может, и городов больше не будет. Как ни прискорбно, это все же мелочи. Сейчас главное – выжить.

– Норт и Морган, – сообщил селектор.

Мандельбаум приготовился к схватке. Эти ребята будут покрепче. Босс профсоюза портовых рабочих и шизанутый политический идеолог – слишком крупные фигуры, чтобы подминать их под себя. Здороваясь с ними, Феликс вежливо приподнялся.

Норт был грузен, лицо утопало в складках жира. Фигура Моргана была тоньше, зато глаза под высоким лбом горели, как угли. На пороге оба метнули друг в друга испепеляющий взгляд и с обидой посмотрели на Мандельбаума. Норт рыком выразил взаимное недовольство:

– Кто придумал позвать нас обоих в одно и то же время? Я хотел переговорить с вами наедине.

– Прошу прощения, – неискренне извинился Мандельбаум. – Наверно, путаница вышла. И все же не могли бы вы на минутку присесть? Может быть, как-нибудь вместе договоримся.

– Никаких «как-нибудь»! – огрызнулся Морган. – Мне и моим сторонникам надоело смотреть, как правительство игнорирует очевидные принципы динамопсихизма. Я вас предупреждаю: если вы не проведете реорганизацию на здоровой основе...

Норт отодвинул Моргана в сторону и сам занялся Мандельбаумом.

– Смотрите: в порту Нью-Йорка без дела стоят около сотни судов, в то время как Восточное побережье и Европа криком кричат о развитии торговли. Моим ребятам надоело, что их никто не слышит.

– В последнее время из Европы не поступало почти никаких новостей, – оправдывающимся тоном возразил Мандельбаум. – А наши дела пока не так хороши, чтобы наладить хотя бы каботажную торговлю. Да и чем торговать? Где найти топливо для этих кораблей?

Его мозг продолжил: *Твоя реальная проблема в том, что тебе и твоим портовым рэкетирам стало не с чего кормиться.*

– Это все из-за слепого упрямства, – заявил Морган. – Как я убедительно показал, открытая мной общественная интеграция на принципах психологии устранит...

А твоя проблема в том, что ты рвешься к власти, и слишком много людей все еще ищут панацею, один ответ на все вопросы, холодно подумал Мандельбаум. *Ты рассуждаешь как интеллект, поэтому тебя за него и принимают. Определенный тип людей все еще предпочитает рыцаря на белом коне, только с книгой под мышкой. Такого, как ты и Ленин!*

– Прошу прощения, – сказал он вслух. – Что конкретно вы предлагаете, мистер Норт?

– Нью-Йорк начинался как порт и рано или поздно вновь им станет. Мы хотим, чтобы рабочие, поставившие порт на ноги, получили справедливую долю в управлении им!

Другими словами, ты тоже рвешься в диктаторы.

– Вы оба говорите дельные вещи. Однако мы, как вам известно, не способны все делать одновременно. Учитывая, что вы мыслите в одном направлении, господа, почему бы вам не

сплотиться в единый фронт? Мне было бы гораздо легче представлять ваши предложения совету.

Бледные щеки Моргана вспыхнули.

– Шайка потных роботов в человеческом облике...

Кулаки Нортон округлились.

– Следи за базаром, умник.

– Нет, правда, – развивал мысль Мандельбаум, – вы же оба хотите, чтобы органы власти были лучше интегрированы? Так что мне кажется...

Гмм. Всего одна мысль, и глаза у обоих загорелись. Как все-таки легко было ее подбросить. Для начала – вместе... а потом я от него избавлюсь...

Они еще немного поговорили. Кабинет Норт и Морган покинули как хорошие друзья. Их презрение к Мандельбауму буквально висело в воздухе – он что, никогда не слышал о принципе «разделяй и властвуй»?

На мгновение Феликса охватила печаль. На самом деле люди не сильно изменились. Воздушные замки наивных фантазеров только стали выше, а у отпетых рэкетиров неоткуда было взяться понятиям, идеям и концепциям, способным вытеснить язык чистогана. Ничего у них не выйдет. Через пару месяцев не останется ни нортон, ни морганов. Перемены в них самих и во всем человечестве уничтожат мелочевку. Но пока что они представляют из себя опасных зверей, с которыми приходится считаться.

Феликс взял трубку и сделал звонок по личной сети.

– Боуэрс, как дела? Слушай, я тут свел вместе динамопсиха и главаря рэкетиров. Они, возможно, устроят что-то вроде Народного фронта с целью завоевать места в совете и затем устроить переворот, дворцовую революцию – называй как хочешь. Ага. Предупреди наших людей в обеих группировках. Пусть присылают подробные доклады. Потом мы с их помощью натравим Нортон и Моргана друг на друга. Союз на глиняных ногах, чуть подтолкнуть, и они вместо того, чтобы зарыть в землю топор войны, закопают друг друга. Потом, когда ополчение подчистит недобитков, мы запустим пропагандистскую кампанию в поддержку здравого смысла. Согласен, время придется выбирать очень аккуратно, но прокрутить это дело вполне реально.

На мгновение после того, как он положил трубку, лицо Феликса омрачила застарелая тоска. Он только что осудил на смерть несколько десятков людей, большинство из которых были просто растеряны и обмануты. Ничего не поделаешь. Надо думать о спасении нескольких миллионов человеческих жизней – такую цену нельзя назвать неоправданной.

– Да, жесток стул под задом чудотворца, – пробормотал он, глядя в список посетителей².

До прибытия депутата от Олбани оставался целый час. Разговор обещал быть горячим. Город ежедневно нарушал федеральные законы – губернатор был в бешенстве. Он желал подчинить себе весь штат. Желание, конечно, оправданное, вот только времена на дворе другие, старые формы управления уже не годились. Однако убедить в этом депутата из Олбани будет не так-то легко.

А пока что выдался свободный час. Феликс полсекунды колебался, не заняться ли разработкой новой карточной системы и планами укрепления правопорядка на всей территории Джерси. Нет, все же лучше подготовить новый отчет о состоянии водоснабжения.

² Каламбур на слова «Да, нелегка ты, доля венценосца» из «Генриха IV» Уильяма Шекспира, акт третий, сцена первая (пер. П. А. Каншина).

Глава 10

В лаборатории царил полумрак, из-за чего пульсирующий свет внутри прибора казался еще ярче. Причудливый голубой огонек мерцал между катушками и бесстрастными индикаторами. Цветом лица склонившийся над прибором Грунвальд напоминал покойника.

– Ну что ж, – проговорил он. – Похоже, все готово.

Ученый повернул выключатель, послышался электрический гул, свет погас. Около минуты Грунвальд стоял и смотрел на лежащую между катушками крысу под наркозом. Тонкие волоски проводов тянулись от выбритого тельца к датчикам, за которыми следили Йохансон и Льюис.

Льюис кивнул.

– Скорость работы нейронов снова увеличилась. – Он придирчиво потрогал круглую шкалу осциллографа. – И кривая почти такая же, как мы предсказывали. Вам в самом деле удалось создать поле торможения.

Предстояло еще немало испытаний и детальных исследований, но их теперь можно было поручить ассистентам. Главная проблема была решена.

Грунвальд толстыми, но на удивление ловкими пальцами вытащил крысу и начал снимать с нее электроды.

– Бедняга, – пробормотал он. – Сомневаюсь, что перемена пойдет ей на пользу.

Сидящий на стуле угрюмый Коринф вскинул голову.

– Зачем крысе интеллект? – продолжал Грунвальд. – Она лишь поймет весь ужас своего положения. Да и всем нам – зачем?

– А ты сам вернулся бы к прежнему? – спросил Коринф.

– Да. – На квадратном лице Грунвальда неожиданно обозначилось упрямство. – Да, вернулся бы. Вредно думать слишком много или слишком дотошно.

– В чем-то ты, наверное, прав. Новую цивилизацию – не только технологию, но и всю систему ценностей, все мечты и надежды – придется отстраивать заново, на это уйдет жизнь не одного поколения. Мы сейчас дикари и живем в диком убожестве. Жизнь не исчерпывается одной наукой.

– Верно, – сказал Льюис. – Однако ученые, как и люди искусства всех стран, не потеряли рассудок из-за перемен, потому что у них и прежде имелась цель в жизни, нечто вне их самих, чему они могут отдать все, что имеют. – Пухлое лицо осветила по-кошачьи лукавая улыбка. – К тому же, Пит, меня как старого сибарита привлекают новые возможности. Хотя та музыка и искусство, которые я обожал, закончились, хорошее вино и кухню я ценю не меньше. По сути, мое восприятие обострилось, я ощущаю нюансы, о существовании которых прежде не подозревал.

Разговор шел в странной манере – синхронное обсуждение технических проблем перемежалось скуными словами и множеством жестов и гримас.

– Что ж, – сказал Йохансон, – поле торможения у нас есть. Теперь дело за вами, неврологами. Вы должны подробно его изучить и выяснить, что может приключиться с жизнью на Земле.

– Не-а, – ответил Льюис. – Я сейчас этим не занимаюсь – разве что иногда пальчиком потыкаю. Бронцини и Макэндрюс справятся сами. Я кооптировался в отдел психологии, это много интереснее и на данный момент гораздо важнее. Взял на себя часть их работы, связанную с неврологией и кибернетикой.

– Старая психология практически стала бесполезной, – кивнул Коринф. – Мы слишком сильно изменились, чтобы осознавать собственную мотивацию. Почему, спрашивается, я почти все время сижу здесь, а не помогаю дома Шейле привыкать к изменениям? Я не в силах

побороть себя, я просто должен исследовать новую область, вот только... Чтобы начать сызнова, на рациональной основе, мы должны лучше знать динамику человеческого поведения. Что касается меня, я тоже пас – изобрели поле и ладно. Россман хочет, чтобы я подключился к созданию космического корабля, как только он организует проект.

– Для путешествий со сверхсветовой скоростью?

– Именно. Принцип основан на одном из разделов механики, о существовании которого до перемен никто не подозревал. Мы сгенерируем пси-волну, а она... Ладно, не берите в голову. Объясню, когда вы освоите тензорное исчисление и матричную алгебру. Пока мы ждем, когда под проект выделяют людей и материалы, я составляю чертежи. На таком корабле можно будет долететь до любого конца галактики.

Две нити сплелись воедино.

– Мы бежим от самих себя, – сказал Грунвальд. – Спасаемся бегством в космос.

На мгновение все четверо замолчали и погрузились в мысли.

Коринф встал.

– Пойду домой.

Пока он спускался по лестнице, еще несколько нитей размышлений сплелись в уме в один клубок. В основном он думал о Шейле, но что-то нашептывало и о Хельге, рекой текли графики и уравнения, маячил холодный в своей бесконечности образ Земли, песчинкой кружащей в космосе. Часть его самого, подозрительно отстраненная, изучала эту паутину мыслей, стараясь понять, как она работает, чтобы научиться полнее использовать свой потенциал.

Взять хотя бы язык: институтские сотрудники хорошо друг друга знали и непроизвольно выработали новый набор символов коммуникации – тонкий, мощный инструмент, в котором каждый жест имел значение, а ускоренное мышление собеседника без осознанных усилий заполняло промежутки и ухватывало смыслы на разных уровнях. Способ был даже чересчур эффективен, человек выдавал все сокровенное, что таилось внутри. Люди будущего скорее всего будут разгуливать нагими – и душой, и телом. У Коринфа такая перспектива не вызывала энтузиазма.

С другой стороны, уровень взаимопонимания между ним и Шейлой делал их разговоры между собой непонятными для посторонних. Тысячи, миллионы групп по всему миру создавали свои диалекты на основе прежнего опыта, неведомого для остальных людей. Придется придумывать какой-нибудь искусственный язык – один для всех.

Телепатия? В ее существовании – по крайней мере, у отдельных индивидуумов – можно было не сомневаться. Когда положение станет поспокойнее, экстрасенсорное восприятие следует тщательно изучить. Так много еще надо сделать, а жизнь так коротка!

Коринф поехал. Страх личной смерти считался болезнью роста, хотя все взрослые в известной мере вновь стали подростками – только на ином плане. Где там подростками – детьми, младенцами.

Ну хорошо, биологи в ближайшие годы, вероятно, изыщут средства для продления жизни. Возможно, даже на столетия. Только стоит ли этого желать?

Коринф вышел на улицу и нашел автомобиль, выделенный для него Россманом. *По крайней мере, иронично подумал Питер, снята проблема парковки. Препятствия транспортного столпотворения больше нет.*

И самого Нью-Йорка рано или поздно не будет. Крупные города утратили свою экономическую обоснованность. Питер родился в маленьком городке, он всегда любил горы, лес и море. И все-таки в буйстве, лихорадочности, скученности, жестокости, бесчеловечности и великолепии большого города была своя прелесть, его исчезновение оставит в будущем мире зияющую пустоту.

Ночь выдалась жаркой, рубашка липла к телу. В небе между темными зданиями и мертвыми неоновыми огнями вспыхивали бледные зарницы, земля молила о дожде. Фары прорезали в липкой тьме тусклые полосы.

Город был только что укрошен. Войну между бандами портовиков и динамопсихов две недели назад подавили, и новых вспышек насилия больше ничто не предвещало. Пайки все еще были скудными, зато у людей снова появилась работа, и с голоду никто не умирал.

Коринф поставил машину на стоянку за домом. Власти, нормирующие расход электроэнергии, разрешили включить лифт – настоящее блаженство. Питер не любил пешком подниматься на пятнадцатый этаж.

Надеюсь, подумал он о Шейле, но не стал продолжать мысль. Бедняжка худела, плохо спала, а иногда вскакивала ночью с сухим криком в горле и лихорадочно шарила в темноте в поисках мужа. Коринф сожалел, что работа отрывала его от жены. Шейла отчаянно нуждалась в поддержке. Может быть, получится найти для нее какую-нибудь работу, позволяющую коротать часы одиночества.

Коридор на его этаже был погружен в темноту за исключением тусклого аварийного освещения, однако из-под двери квартиры пробивался яркий свет. Взгляд на часы показал, что Шейла бодрствует позже обычного. Значит, опять не может заснуть.

Питер тронул дверь, она была заперта. Он постучал. Ему показалось, что внутри раздался приглушенный вскрик, и постучал громче. Жена распахнула дверь так резко, что он чуть не потерял равновесие.

– Пит! Пит! Пит! – Вся дрожа, Шейла прижалась к нему. Обнимая жену, он почувствовал, как сильно выпирают ее ребра. Комнату заливал резкий свет, в котором волосы Шейлы почему-то совсем не блестели. Когда жена подняла лицо, оно было мокрым от слез.

– Что случилось? – Коринф задал вопрос громко, на старый манер, и голос предательски дрогнул.

– Нервы. – Шейла втащила его в квартиру и заперла дверь. В ночной рубашке и халате она выглядела пронзительно молодой, только глаза были как у старухи.

– Не жарко тебе в халате в такой теплый вечер? – спросил Питер, нащупывая подходящий тон.

– Я мерзну.

У нее дрожали губы.

Питер сжал челюсти, сел на стул и посадил жену на колени. Шейла обняла его за шею, прижалась всем телом.

– Плохо дело. – Он покачал головой. – Таких сильных приступов у тебя еще не было.

– Я не знаю, что бы я сделала, если бы ты задержался хоть еще немного, – упавшим голосом сказала Шейла.

Они начали разговор с помощью новой смеси слов и жестов, интонаций и пауз, обмениваясь глубоко личными впечатлениями.

– Я слишком много думаю, – жаловалась она. – Мы все сейчас слишком много думаем. (Помоги мне, мой милый! Я проваливаюсь во тьму, и лишь ты можешь меня спасти.)

– Тебе надо привыкнуть, – тускло отвечал он. (Как я могу тебе помочь? Я протягиваю к тебе руки, а обнимаю пустоту.)

– У тебя есть сила, – плакала она. – Дай мне ее!

(Кошмары всякий раз, когда я пытаюсь заснуть. А наяву я вижу мир и человека как мерцающие блики посреди холода и небытия, утекающие за порог вечности. Я не в силах выдержать этот образ.)

Изнеможение, безнадежность.

– Я не так уж силен, – вслух произнес он. – Я всего лишь стараюсь не останавливаться. И ты должна.

– Держи меня крепче, Пит. – *Образ отца.* – Держи меня крепче, – скулила Шейла, прижимаясь к мужу, как щиту, предохраняющему от черноты вокруг и черноты в душе. – Не отпускай меня!

– Шейла, – уговаривал он. (Дорогая моя жена, возлюбленная, товарищ.) – Шейла, надо держаться. Все это не более чем увеличившаяся способность мыслить, наглядно представлять, обрабатывать данные и видения, которые ты же сама и создаешь. Ничего страшного.

– Но оно делает меня *другой*! – В ее словах отчетливо звучал ужас смерти. – Что стало с нашим миром? С нашими надеждами, планами, близостью?

– Их уже не вернуть. – Пустота, безвозвратность. – Мы должны жить тем, что имеем.

– Да знаю я, знаю! Но не могу! – На щеках Шейлы блеснули слезы. – Ох, Пит, я сейчас плачу больше о тебе (может, я больше не смогу тебя любить), чем о себе.

Питер старался сохранять спокойствие.

– Слишком большое отступление от реальности ведет к помешательству. Если ты потереешь рассудок... (Невообразимо.)

– Знаю, знаю, – повторила она. – Кому как не мне это знать. Обними меня покрепче, Пит.

– От знания мало проку, – сказал Коринф, размышляя, смогут ли инженеры когда-нибудь придумать способ преодоления человеческой природы. Он как никогда был близок к тому, чтобы опустить руки.

Глава 11

Лето шло на убыль, планета разворачивалась лицом к зиме. Одним теплым вечером в конце сентября, сидя у окна, Мандельбаум обменивался с Россманом скупыми, негромкими фразами. Комнату с выключенным светом заполняла ночная тьма. Далеко внизу яркими точками светился Манхэттен. В отличие от яростного блеска и сияния улиц в прежние времена, сейчас горели только окна миллионов квартир. В небе над головой разлилось тусклое голубоватое свечение, подрагивающее и мерцающее по краям. Эмпайр-стейт-билдинг венчал огненный шар – словно на крышу здания присело отдохнуть маленькое солнце. Движение воздуха несло слабый запах озона. Мужчины спокойно сидели и курили, табак снова появился в постоянной продаже. Трубка Мандельбаума и сигарета Россмана тлели в полумраке, как два красных глаза. Друзья приготовились встретить свой смертный час.

– Жена, – сказал Россман с легким упреком в голосе, что можно было перевести как (Я все-таки не понимаю, почему ты ничего не сказал жене и не пригласил ее сюда сегодня вечером. Возможно, этот вечер последний в нашей жизни).

– Работа, город, время. – Извечное пожатие плечами, грустный тон. (Мы оба заняты работой, она – в центре помощи, я – здесь, в оборонном комплексе. Жителей города тоже не оповещали, знаем только ты, я и еще несколько человек. Так лучше, не правда ли?) *Мы не смогли бы их эвакуировать, им некуда ехать, к тому же такая попытка выдала бы нас противнику, побудила бы его запустить ракеты немедленно. Город мы либо спасем, либо не спасем. Сейчас никто больше ничего не сможет сделать, остается сидеть и ждать, сработает ли система обороны.* (Я бы не стал тревожить мою либхен, она сама начнет тревожиться за детей и внуков. Нет уж, пусть все идет своим чередом. Хотя я, конечно, предпочел бы сейчас быть вместе с Сарой и всей семьей...)

Мандельбаум постучал по трубке ороговевшим пальцем.

– Люди из Брукхейвена считают, что поле остановит взрыв и радиацию, – жестом сообщил Россман. *Они тайно работали целый месяц или около того, готовясь отразить нападение. Города, которые скорее всего станут целью, теперь защищены – по крайней мере, мы на это надеемся.* (Есть сомнения. Жаль, что до этого дошло.)

– А как иначе? *Наша разведка и дедуктивный анализ показали, что Советы загнаны в угол и создали собственные межконтинентальные баллистические ракеты. У них дома бушует революция. Америка тайком помогает повстанцам оружием и прочими вещами. У них остался последний шанс нас прихлопнуть, удар намечен на сегодняшний вечер. Советы, похоже, бросили на создание ракет последние ресурсы. Борьба с нами их истощит, и страну тем временем захватят повстанцы. Диктатурам не место в новом времени.*

– Интересно, что придет им на смену?

– Не знаю. Запуск ракет выглядит как последний вздох человека-животного. Не ты ли называл двадцатый век «эпохой дурных манер»? Мы были глупы, невероятно глупы! Теперь все это позади.

– И ничего взамен. – Россман затушил сигарету и тут же достал новую. На темном фоне огонек спички на мгновение выхватил осунувшееся лицо. – О, да, грядущее будет совершенно непохоже на прошлое. Общество или общества, возможно, сохранятся, но перестанут напоминать те, в которых жили мы. Не исключено, что они будут чистыми абстракциями, ментальными образами, системой обмена и взаимодействия на уровне символов. В общем, возможности есть для появления общества как лучше, так и хуже предыдущего, и сдается мне, что возобладает худшее.

– Гм. – Мандельбаум глубоко затянулся трубкой. – Помимо того, что мы начинаем с нуля и не гарантированы от ошибок, почему все обязательно должно стать хуже? Боюсь, ты родился пессимистом.

– Несомненно. Я родился в другую эпоху, и у меня на глазах она утонула в крови и сумасшествии. То, что мир разваливается, было видно еще до 1914 года. Это кого угодно превратит в пессимиста. И все-таки я думаю, что прав. Человек, по сути, отброшен назад в состояние полного одичания. Нет, и это неверно – у дикаря есть какой-никакой жизненный уклад. Человек опустился до уровня животного.

Мандельбаум широким жестом указал на гордый город за окном.

– Это похоже на мир животных?

– Муравьи и бобры тоже умеют строить. Или умели. Интересно, чем сейчас заняты бобры?.. Материальные артефакты мало что значат. Они появились исключительно на общественной почве знаний, традиций и побуждений, это симптомы, а не причины. А теперь эту почву выдернули у нас из-под ног.

Да, мы не утратили знание. Однако оно потеряло для нас ценность и служит исключительно инструментом для обеспечения элементарного выживания и уюта. Подумай хотя бы о своей жизни. В чем ты теперь видишь ее смысл? Чего стоят все твои прошлые достижения? Курам на смех!

Способен ли ты еще получать удовольствие от чтения некогда великой литературы? Говорит ли тебе о чем-либо искусство? Цивилизация прошлого с ее наукой, искусством, верованиями и смыслами теперь настолько от нас далека, что попросту не существует. У нас больше нет цивилизации. Нет целей, идеалов, творческого труда – ничего нет!

– Не знаю, не знаю, – с легкой иронией ответил Мандельбаум. – У меня как раз дел невпроворот, по крайней мере, на ближайшие несколько лет хватит. Приходится запускать новое повсюду в мире – в экономике, политике, медобслуживании, контроле рождаемости, охране природы. Масштабы поражают воображение.

– А что потом? – не унимался Россман. – Что мы будем делать потом? Чем заняться следующему поколению и поколениям, которые придут за ним?

– Они сами найдут, чем себя занять.

– Интересно, чем же? Задача построения устойчивого мира колоссальна, но мы оба понимаем, что новому человечеству она по плечу, более того – это вопрос всего нескольких лет.

А что потом? В лучшем случае человек будет сидеть и потихоньку коснеть в нескончаемом комфорте.

– Наука...

– Ах, да. У ученых некоторое время на дворе будет праздник. Вот только большинство физиков, с кем я недавно общался, говорят, что потенциал науки не безграничен. Количество законов и явлений природы имеет предел, и все они однажды будут сведены в единую теорию. Мы уже сегодня не так от нее далеки. Хотя мое предположение не имеет стопроцентных доказательств, оно выглядит правдоподобным. К тому же не все могут быть учеными.

Мандельбаум посмотрел в темноту за окном. *Как тихо*, подумал он. И отрывая ум от жены и детей, спросил:

– А как же искусство? Нам предстоит создать совершенно новые виды живописи, скульптуры, музыки, литературы, архитектуры! Жанры, которые прежде никто не мог себе вообразить!

– Только если сложится подходящее для этого общество. (Искусство в течение истории имело ужасную тенденцию приходить в упадок, застывать в подражании прошлому. Понадобится неслабый толчок, чтобы снова его разбудить. И опять же, друг мой, не все способны быть людьми искусства.)

– Не все? (А не станет ли каждый человек одновременно и художником, и ученым, и философом, и...)

– Нам по-прежнему будут нужны лидеры, стимулы, объединяющий мир символ. (За сегодняшней пустотой стоит отсутствие такого символа. У нас нет легенды, мечты. «Человек – мера всех вещей». Когда мера становится больше всего остального, какая от нее польза?)

– Ну, мы пока что еще мелюзга. – Мандельбаум указал на окно и голубое сияние в небе. (Нас ждет целая вселенная.)

– Полагаю, ты нащупал начало ответа, – медленно произнес Россман. (Земля оказалась маленькой, а вот космическое пространство... оно содержит в себе вызов и мечту, в которых мы так нуждаемся. Как знать. Я лишь понимаю, что нам без них не обойтись.)

Переговорное устройство рядом с Мандельбаумом издало тонкий писк. Он повернул выключатель. Прежде он был на взводе, дрожал от возбуждения, теперь же не чувствовал ничего, кроме утомления и опустошенности.

Устройство щелкнуло несколько раз, передавая предупреждение: «Космические автоматы сообщают о запуске ракет с Урала. Четыре ракеты достигнут Нью-Йорка через десять минут».

– Десять минут! – присвистнул Россман. – Очевидно, ракеты снабжены ядерным двигателем.

– Кто бы сомневался. – Мандельбаум набрал номер центра «Щит» в Эмпайр-стейт-билдинге. – Готовьте вашу технику, ребята. Десятиминутная готовность.

– Сколько их?

– Четыре. Видимо, прикинули, что три мы сможем перехватить. Ушлые бестии. Водородно-литиевые боеголовки.

– Четыре? Хорошо, босс. Пожелай нам удачи.

– Желаю удачи! – Мандельбаум криво улыбнулся.

Городским жителям сообщили, что проект связан с экспериментальным освещением. Однако, когда голубое мерцание превратилось в непрерывное свечение, как будто город накрыл сияющий купол, и завывли сирены, все, конечно, догадались, в чем дело. Мандельбаум представил себе, как мужья прижимают к себе жен и детей, гадая, что сейчас случится. *Будут молиться? Вряд ли. Если в будущем и найдется место для религии, то не для анимизма, которым слепцы довольствовались в прошлом. Ощутят азарт боя? Нет, этот миф тоже выброшен на помойку. Впадут в дикую панику? Пожалуй, она местами может вспыхнуть.*

Россман не так уж далек от истины, размышлял Мандельбаум. Человеку в настоящую минуту нечем себя занять – разве что вопить от ужаса или пытаться прикрыть своих близких своей жалкой плотью. Никто не способен, не покривив душой, сказать, что отдает жизнь за что-то стоящее. И если кто-то грозит кулаком небу, то не от гнева на злую судьбу, а лишь по привычке.

Это ли не безысходность? Да, нам действительно нужны новые символы.

Россман на ощупь добрался до шкафа, выдвинул ящик и достал бутылку.

– Я тут приберег бургундское 42-го года, – сказал он. (Выпьешь со мной?)

– Конечно, – ответил Мандельбаум. Пить ему не хотелось, но друга надо было поддерживать. Россман не испытывал страха, он был стар и многое повидал, однако сейчас выглядел потеряннным. Умереть, как подобает джентльмену, – что ж, был когда-то и такой символ.

Россман разлил вино в хрустальные бокалы. Друзья чокнулись и выпили. Россман снова опустился в кресло, смакуя вкус вина.

– Мы пили бургундское в день свадьбы, – сказал он.

– Не торопись плакаться в бокал, – ответил Мандельбаум. – Экран выдержит. За ним стоит сила того же порядка, что удерживает от распада ядра атомов. Во всей вселенной нет ничего мощнее.

– Я поминаю человека-животное, – сказал Россман. (Ты прав, это его последнее издыхание. Во многих отношениях он был благородным существом.)

– Да-да, – ответил Мандельбаум. (А какое хитроумное оружие изобретал!)

– Эти ракеты... (Они кое-что из себя представляют: по-своему прекрасны, чисты, блестящи, честно созданы для единственной цели. Прежде чем они могли появиться, прошло множество веков терпеливого труда. А то, что ракеты несут нам смерть, не более чем совпадение.)

(Не согласен.) Мандельбаум усмехнулся.

В комнате висели часы с подсвеченным циферблатом. Секундная стрелка лениво описала круг – один, другой, третий. Эмпайр-стейт-билдинг столпом тьмы выделялся на фоне тусклой синей арки неба. Мандельбаум и Россман потягивали вино, углубившись каждый в свои мысли.

Все небо осветила вспышка – как во время грозы. Небо превратилось в раскаленный купол. Мандельбаум закрыл рукой глаза, выпавший бокал разлетелся вдребезги на полу. Он кожей почувствовал жар – как в знойный летний день. Жар то нарастал, то убывал. По городу прокатился гром.

...Две, три, четыре.

После этого наступила тишина другого рода – эхо дрожало и гудело в каньонах высотных зданий. Пустые улицы подметал ветер. Небоскребы, мелко дрожа, постепенно успокаивались.

– Пронесло, – произнес Мандельбаум спокойно: экран сделал свое дело, город выжил, все хорошо, можно возвращаться к работе. Он набрал номер городской администрации. – Привет. Как вы там? Все в порядке? Теперь наш черед, надо унять панику...

Краем глаза он заметил спокойно сидящего в кресле Россмана. Недопитый бокал стоял на подлокотнике.

Глава 12

Коринф со вздохом отодвинул бумаги. Шорохи вечернего города проникали в комнату вместе с холодным октябрьским воздухом. Питер немного поежился, выковырнул из пачки сигарету и некоторое время спокойно курил.

Космические корабли, вяло думал он. В Брукхейвене строят первый космический корабль.

Его часть проекта состояла из расчетов внутриядерных нагрузок под воздействием притока поля – задачи сложной, но не настолько сверхважной, чтобы помешать рабочим закончить строительство корабля еще до ее выполнения. Коринф только что вернулся из цеха,

где начал принимать очертания корпус звездолета. Идеальная красота форм тешила профессионального эго физика. Каждый элемент – двигатель, защитный кокон, люки и горловины, органы управления – представлял собой образчик невиданного в истории Земли прецизионного машиностроения. Быть причастным к такой работе приятно.

Вот только...

Он тихо выругался, затушил сигарету в переполненной пепельнице и встал. Вечер обещал быть трудным, ему требовалась компания Хельги.

Питер шел по знакомым коридорам, вокруг кипела работа. Теперь они работали посменно круглые сутки, тысячи освобожденных умов устремились к горизонту, взрывообразно расширившемуся до невообразимых пределов. Он завидовал молодым техническим специалистам. Они ощущали свою силу, предназначение и душевное равновесие, будущее принадлежало им, и они это знали. В свои тридцать три года Коринф чувствовал себя измотанным стариком.

Хельга вернулась в институт и возглавила его. В новых условиях с этой работой мог справиться любой взрослый человек; у нее имелись необходимый опыт и желание служить обществу. Питеру казалось, что Хельга слишком безжалостна к себе, и с тяжелым чувством признавал свою вину. Она никогда не покидала кабинет, пока не уйдет он, – ради тех моментов, когда ему вдруг срочно потребуются поговорить с ней. Сейчас как раз наступил такой момент.

Шагнув через порог, Питер сразу заметил радостные нотки в голосе и заигравший в глазах Хельги огонек.

– Давай вместе поужинаем? – предложил он.

Хозяйка кабинета вскинула брови. Питер торопливо объяснил:

– Шейла проводит сегодняшний вечер с миссис Мандельбаум. Сара хорошо относится к моей жене, у нее есть женское чутье, какого лишены мужчины. Я не нахожу себе места...

– Отлично, идем. – Хельга начала убирать со стола бумаги. Ее рабочее место всегда отличалось опрятностью и обезличенностью, словно его занимал робот. – Есть что на примете?

– Ты ведь знаешь, в последнее время я редко куда-нибудь выхожу.

– Тогда давай попробуем «Роджерс» – новый ночной клуб для новых людей. – Улыбка Хельги получилась кислой. – По крайней мере, там хорошо готовят.

Коринф зашел в маленький, примыкающий к кабинету санузел и попытался привести в порядок одежду и волосы. Когда он вернулся, Хельга была уже готова. Он на мгновение остановил на ней взгляд, впитывая каждую подробность с ослепительной цельностью, о какой не мог мечтать в прошлые годы. Они сдались и перестали таиться друг от друга, Хельга – с характерной откровенностью, Питер – с усталой и благодарной покорностью. Питеру был нужен человек, который бы его понимал, был сильнее его, с кем можно было поговорить, зарядиться энергией. Ему казалось, что он только и делает, что берет, а Хельга – отдает, но не мог заставить себя отказаться от этих отношений.

Хельга взяла его под руку, они вышли на улицу. Холодный воздух обжигал легкие, пахло осенью и морем. На мостовой крутились мертвые листья, уже появился иней.

– Давай пешком. – Она хорошо изучила предпочтения друга. – Здесь недалеко.

Ночь нависала над жалким светом фонарей, по обе стороны высились темные утесы небоскребов, и лишь редкий прохожий или автомобиль попадался навстречу.

– Как у Шейлы с работой? – спросила Хельга.

Коринф нашел работу для жены в центре помощи, надеясь, что это укрепит ее дух. Сейчас он лишь пожал плечами в ответ. Проще было молча подставлять лицо ветру, слабо дувшему между темных стен. Хельга настроилась на волну молчания. Если ему захочется поговорить, она будет рядом.

Кафе «Роджерс» выделяла скромная неоновая вывеска. Внутри их встретил голубой сумрак, холодный и прозрачный, будто светился сам воздух. *Неплохой фокус*, подумал Питер.

Интересно, как они это делают? Он в одну секунду вычислил новый принцип флуоресцентности, на котором, должно быть, основан эффект. Видимо, какой-то инженер предпочел податься в рестораторы.

Столы стояли друг от друга дальше, чем в прежнее время. Коринф рассеянно подметил, что они расставлены по спирали, это сокращало количество шагов, которые официанты должны были делать из зала до кухни и обратно. Однако вместо официанта к ним на мягких резиновых шинах подкатил автомат и протянул дощечку и стило для записи заказа.

В меню значилось мало мясных блюд, – нехватка продовольствия еще давала о себе знать. Взяли сою особого приготовления и, разумеется, аперитив.

Чокнулись бокалами над белой скатертью.

– *Waes hael! – Drinc hael!*³ – ответил он. И печально добавил: – Боюсь, наши потомки вообще не будут понимать своих предков. Величественное наследие варваров будет казаться им звериным рыком. Когда я размышляю о будущем, меня пробирает озноб.

– Меня тоже, – пробормотала Хельга, приоткрывая душу нарочно, чтобы ему было легче исповедоваться.

Появился маленький оркестр. Среди музыкантов Коринф узнал трех бывших знаменитостей. Они принесли старые инструменты – струнные, деревянные духовые, одну трубу, хотя новые тоже были. Пока не возродятся филармонии – если они вообще возродятся, – серьезные музыканты рады играть в ресторанах. К тому же публика слушала теперь внимательнее, чем в прошлом.

Публика... Люди как люди, рабочие с мозолистыми руками вперемежку с худыми сутулыми клерками и лысеющими профессорами. Новоявленная обнаженность уничтожила все границы. В одежде преобладал неформальный стиль – рубашки без галстуков, слаксы, джинсы, изредка вычурный экспериментальный наряд. Люди с каждым днем придавали внешним эффектам все меньше значения.

Дирижера у оркестра не было. Музыканты играли экспромтом, обвивая индивидуальные мелодии вокруг элегантной, трудноуловимой темы. От музыки веяло прохладой, льдами и зеленью северного моря, струны вздыхали на волнах сложного, завораживающего ритма. Пытаясь в нем разобраться, Коринф на некоторое время забыл обо всем на свете. Периодически аккорд затрагивал скрытую эмоциональную ноту в душе, отчего пальцы сами собой крепче сжимали бокал. Некоторые танцевали, на ходу изобретая собственные па. Наверное, в прошлом это мероприятие называли бы джем-сешн, однако новая музыка была слишком отстраненной и интеллектуальной для такого названия. Все человечество экспериментировало, нащупывало новые пути в мире, в один миг потерявшем горизонты.

Коринф повернулся к Хельге, застав ее врасплох, – женщина смотрела на него в упор. К лицу Питера прилила кровь, он поспешил заговорить на отвлеченные темы. Однако они слишком хорошо понимали друг друга. Вместе работали и вели наблюдения, и теперь у них сложился свой язык. Каждый взгляд и жест что-нибудь да значил, смыслы сцеплялись воедино, распадаясь и вновь сходясь, пока не начинало казаться, что каждый ведет внутренний монолог.

– Работа? – вслух спросил он, что означало: (Какую задачу тебе пришлось решать последнее время?)

– Нормально, – вяло ответила она. (Мы, кажется, совершаем своеобразный подвиг. Возможно, что важнее работы за всю человеческую историю ничего не было. Но почему-то работа меня мало волнует...)

– Я рад тебя видеть сегодня вечером, – сказал он. (Ты мне нужна. Мне надо на кого-то опереться, когда подступает тьма.)

³ Застольное приветствие: «Будь здоров» и «Пей и будешь здоров» – в Скандинавии, отличающейся особой правовой и социальной системами, унаследованными от норвежских и датских викингов в IX веке. (*Прим. пер.*)

(Я всегда буду ждать тебя), – говорили ее глаза.

Опасная тема. Уходи.

Питер быстро спросил:

– Что ты думаешь о здешней музыке? Похоже, они уже нашли формы, устраивающие современного человека.

– Может быть, – пожала плечами Хельга. – Хотя старых мастеров я нахожу интереснее. Они больше похожи на людей.

– Я порой думаю, похожи ли на людей мы сами, Хельга.

– Да, похожи. Мы всегда останемся сами собой. Любовь и ненависть не исчезнут, так же как страх и отвага, смех и печаль.

– Но будут ли они такими же? Я сомневаюсь.

– Может, ты и прав. Стало трудно верить в желаемое.

Он кивнул. Она улыбнулась краешком губ. (Да, мы оба это понимаем, не так ли? Это и все остальное в мире.)

– Иногда мне хочется, чтобы... Нет. *Моя любовь предназначена Шейле.*

(Слишком поздно, правда, Пит?), – спрашивали ее глаза. (Слишком поздно для нас обоих.)

– Потанцуем? – пригласил он. (Отдадимся беспамятству.)

– Конечно. (С превеликой радостью!)

Они встали из-за стола и вышли на танцплощадку. Обняв Хельгу за талию, Коринф почувствовал ее силу, он как будто от нее заряжался. *Образ матери?* – съязвил разум. Какая разница. Музыка захватила его целиком, он в крови чувствовал ее оригинальный ритм. Питер плохо танцевал и позволил Хельге вести, зато удовольствие от ритмичных движений ощущалось острее, чем во времена до начала перемен. На мгновение ему захотелось превратиться в дикаря и в танце излить свою скорбь перед богами.

Нет, быть дикарем поздно. Он дитя цивилизации – даже сейчас. Он родился слишком старым. Но что делать, когда жизнь слетает с катушек?

*Любовь! Кому дано войти в союз с Предвечным...*⁴ Детский лепет. А ведь когда-то это ему нравилось.

Музыка закончилась, они вернулись к своему столику. Автомат принес закуски. Коринф усадил Хельгу и стал уныло ковыряться в своей тарелке. Она опять смотрела на него в упор.

– Шейла? – спросила Хельга. (Ей сейчас плохо?)

– Нет. (Спасибо за вопрос.) – Коринф скорчил гримасу. (Работа помогает улучшить настрой, но Шейла плохо с ней справляется. Она тяготится, ей что-то мерещится, а по ночам – кошмары...) *Ох, бедная моя женишка!*

– Почему? (Ты и я, большинство людей приспособились, перестали нервничать. Я всегда считала, что она уравновешеннее, чем другие.)

– Ее подсознание... (Разыгралось не на шутку, она не в силах его контролировать, беспокойство из-за симптомов только усугубляет положение...) Шейла просто не создана для подобной умственной силы, не умеет с ней обращаться.

Их глаза встретились. *Мы что-то потеряли – прежнюю невинность; все, что мы ценили, у нас отняли; мы стоим нагие перед лицом одиночества.*

Хельга подняла голову. (Нам нельзя сдаваться. Любыми путями надо продолжать начатое.)

(Я слишком сильно на тебя полагаюсь. Нат и Феликс заняты своей работой. У Шейлы кончились силы. Остаешься только ты, и это плохо для тебя.)

(Я не против.) *Это все, что у меня осталось, я больше не могу сама себе лгать.*

⁴ Омар Хайям. Рубаи. ХСІС (пер. К. Кафиева).

Их руки наткнулись друг на друга поверх стола. Хельга медленно убрала свою и покачала головой.

– Боже! – Коринф сжал кулаки. (Если бы мы могли лучше изучить самих себя! Если бы у нас была действующая психиатрия!)

(Возможно, она скоро появится. Исследования уже идут.) И примирительно:

– А как продвигается твоя работа?

– Достаточно хорошо. (Звезды станут достигаемы еще до весны. Только что толку? Зачем нам звезды?)

Коринф посмотрел в бокал.

– Я слегка пьян. Что-то много болтаю.

– Ничего страшного, дорогой.

Он посмотрел на Хельгу.

– Почему бы тебе не выйти замуж? Найди кого-нибудь. Ты не сумеешь вытащить меня из моей личной преисподней.

Ее лицо ответило «нет».

– Лучше выброси меня из своей жизни, – проговорил он горячим шепотом.

– А ты бы выбросил Шейлу из своей?

Бесшумно подкатил автомат, убрал пустые тарелки и поставил на стол главное блюдо. Коринф вяло подумал, что, по идее, не должен испытывать аппетита. Разве от страданий не полагается чахнуть? Однако пища была вкусной. Еда – какая-никакая компенсация, а еще выпивка, пустые фантазии, работа и все, что подвернется под руку.

(Ты должен выстоять), – говорили глаза Хельги. (Что бы ни происходило, ты должен выдержать, сохранить здравый ум, потому что он наследие твоей человеческой природы.)

Через некоторое время женщина жестко задала вслух вопрос из трех слов:

– Пит, ты бы хотел? (Полететь на корабле?)

– Что? – Он уставился на нее с таким глупым видом, что Хельга невольно рассмеялась. Мгновение спустя она заговорила серьезным, деловым тоном:

– Корабль рассчитан на двух человек. (Почти всем управляют автоматы – ты и сам знаешь. Нат Льюис уломал меня отдать ему одно место как биологу. Проблема жизни в других точках вселенной...)

– Я даже не знал, что ты имеешь право решать, кто полетит, – сказал Коринф дрогнувшим голосом.

– Официально не имею. (Но на практике, так как это проект нашего института, я могу подкинуть любую пригодную кандидатуру. Нат хотел, чтобы с ним полетела я...) – Они обменялись беглыми улыбками. *Не худший вариант для тебя, да и для меня тоже.* – Однако реально нужен физик. (Ты очень много знаешь о проекте и сделал для его блага не меньше других.)

– А как же... – Он покачал головой. – Я хотел бы... (Нет, не могу найти более крепкого слова. Я отдал бы за место на корабле даже шанс обрести бессмертие. Летними вечерами в детстве я лежал на спине и наблюдал восход луны, красный глаз Марса в небе и мечтал, мечтал.) А как же Шейла? Давай в другой раз, Хельга.

– Полет долго не продлится. (Несколько недель – разведать ближние звезды, испытать двигатель, проверить несколько астрономических гипотез. Риск, я думаю, тоже невелик. Будь иначе, разве я стала бы предлагать?) *Я буду каждую ночь смотреть в небо, ощущать его безбрежность и сжимать кулаки.* (По-моему, ты должен воспользоваться этим шансом – ради собственного душевного спокойствия. Твоя душа заблудилась, Пит. Ты должен найти что-то, стоящее выше личных проблем, выше всего нашего мелочного мира.) – Хельга улыбнулась. – Может быть, ты должен найти Бога.

– Но я же сказал – Шейла...

– До отправления корабля остается еще несколько месяцев. (За это время может произойти все, что угодно. Я слежу за последними достижениями психиатрии, появляются новые интересные методы лечения.) – Хельга коснулась его руки. – Подумай, Пит.

– Хорошо, – не очень уверенно ответил он.

Отчасти Коринф понимал: Хельга предлагает ему грандиозное дело, чтобы отвлечь его, вырвать из замкнутого круга тревог и уныния... Выходя с ней на улицу, он взглянул на небо, разглядел в дымке несколько далеких солнц и ощутил, как по телу прокатилась волна возбуждения.

Звезды! Господи, звезды!

Глава 13

Снег в этом году выпал рано. Однажды утром Брок вышел из дома, а вокруг все белым-бело.

Он немного постоял, глядя на окружающие просторы, холмы и поля, заснеженные дороги, утренний горизонт цвета вороненой стали. Словно никогда прежде не замечал зимы – голых черных деревьев на фоне спокойного, безветренного неба, заваленных снегом крыш, разрисованных морозом окон, одинокой вороны, сидящей черной печальной точкой на холодном телеграфном столбе. *И то правда*, подумал он, *я никогда этого не замечал*.

Хотя после снегопада воздух потеплел, из ноздрей все еще валил пар, а лицо пощипывало. Брок хлопнул в ладоши, – в тишине звук получился неожиданно громким – надул щеки и сказал:

– Ну что, Джо, похоже на следующие полгода все утряслось. Белый День благодарения; не удивлюсь, если и на Пасху будет лежать снег.

Пес смотрел, почти все понимая, но не имея возможности ответить. Затем инстинкты взяли свое, и он принялся скакать по снегу и оглашать ферму громким радостным лаем.

Из дома вышла невысокая коренастая фигура, закутанная до такой степени, что лишь непомерная длина рукавов выдавала в ней нечеловеческое происхождение, поежилась и быстро приковыляла к человеку.

– Холодно, – проверещала она, – холодно, холодно.

– Боюсь, настоящие холода еще не наступили, Мегатавель. – Брок погладил заросшую шерстью макушку шимпанзе. Его тревожило, что обезьяны могут не пережить зиму. Он сшил им одежду и поручал работу в доме или сарае, где было тепло. Однако легкие приматов были слишком слабы.

Несмотря на природную вертлявость и лень, обезьяны героически трудились вместе с человеком. Брок не смог бы осилить подготовку к зиме в одиночку. Важнее, однако, было то, что, научившись общаться друг с другом на ломаном языке, они стали верными друзьями. У обезьян было мало тем для разговора, их разум-кузнечик быстро перескакивал с одного на другое, но плен одиночества был прорван. Само по себе наблюдение за их ужимками в спортивном зале, который он для них оборудовал, заставляло Брока смеяться, а смех в новые времена стал редкой ценностью.

Как ни странно, Мегатавель лучше приспособилась к работе на ферме, в то время как ее партнер Джимми готовил и вел хозяйство в доме. Оба были сильными и умными помощниками, чем бы ни занимались.

Брок дотопал до сарая, оставляя мазки следов на девственно чистом снегу, и открыл ворота. Из темноты в лицо хлынула волна животного тепла, от сильного амбре закружилась голова. Мегатавель пошла задавать животным – пятнадцати коровам, двум лошадям и огромной туше слона Джамбо – сена и толченой кукурузы. Брок сел доить коров.

Остатки домашней живности, похоже, смирились с новым порядком. Животные доверяли Броку, он казался им чем-то похожим на бога, но сегодня предстояло обмануть их доверие. Смысла откладывать не было, потом будет только труднее.

Ворота со скрипом приоткрылись. Неуклюже подошел, нашел скамеечку и сел помогать с дойкой Ву-Ву. Как всегда, он принялся за работу с автоматизмом робота. Ву-Ву был не способен к членораздельной речи и мог изъясняться лишь невнятными звуками и мычанием, за что и получил свое имя. Имбецил приболел несколько недель назад, оборванный, запаршивевший, умирающий от голода. Маленький, узловатый горбун неопределенного возраста, видимо, сбежал из какого-то приюта. В его глазах сквозило полное отсутствие мысли. Интеллект Ву-Ву, очевидно, усилился, как и у всех остальных, однако это никак не повлияло на его дефективность – и физическую, и умственную.

Пришлого приняли без особой радости. Почти все тяжелые работы по сбору урожая были закончены, а на то, чтобы прокормить лишний рот, могло не хватить припасов.

– Я его убить, босс, – предложил Джимми и потянулся за ножом.

– Нет, – покачал головой Брок. – Нельзя быть такими жестокими.

– Я быстро и легко, – ухмыльнулся Джимми, проверяя остроту лезвия большим пальцем.

Примата отличала обаятельная непосредственность уроженца джунглей.

– Нет. Пока нет. – Брок устало улыбнулся. Он постоянно чувствовал себя уставшим, все дела просто невозможно было переделать. *Мы заблудшие овцы, а я, похоже, назначен вожаком стада. Нам всем приходится жить в мире, в котором мы лишние.* Через минуту он добавил: – Надо заготавливать дрова на зиму.

Ву-Ву относительно хорошо прижился и вел себя безобидно, особенно после того, как Джимми – вероятно, не без помощи палки – выбил из него кое-какие дурные привычки. На примере этой истории Брок с новой силой осознал, что таких существ, как он, отчаянно пытающихся выжить в цивилизации, слишком возмнившей о себе и переставшей обращать на них внимание, очевидно, еще много. Рано или поздно, думал Брок, дебилы объединятся, создадут свою общину, и тогда...

Почему бы не признаться самому себе? Он страдал от одиночества. Порой наваливалась такая тоска, что хоть в петлю лезь. Вокруг не было никого равного ему по интеллекту, никого во всем заснеженном мире, он вкалывал ради голого, никчемного выживания. Его мучила тоска по родной душе.

Брок закончил дойку и вывел животных во двор размяться. Вода в баке покрылась коркой льда, но Джамбо взломал ее хоботом, и звери столпились вокруг бака. Во второй половине дня слону придется поработать – качать запасной насос, подавать воду в бак. Джамбо оброс шерстью. Оказывается, на слонах отрастает шерсть, когда ее не обдирают джунгли и не подпаливают люди-хозяева.

Брок подошел к скирде сена за изгородью овечьего загона. Вместо проволочного забора, чтобы овцы больше не ломали его и не объедались сеном, пришлось поставить дощатый. Прихоть бога – интересно, какие мысли и табу крутились в узких овечьих черепках.

Каждая овца еще до перемен была отдельной личностью. Каждую среди сорока овец Арчи отличал с такой же легкостью, как людей. Бесцеремонная, смышленная Джорджина в спешке оттолкнула робкую Психею, толстая старая Мария-Антуанетта стояла и невозмутимо жевала жвачку, молоденькая Джой одна выплясывала на свежем снегу. С ними был старый баран, круторогий Наполеон, по-царски осанистый, слишком хорошо сознающий свое превосходство, чтобы задирать нос. Кого из них выбрать на закланье?

Выбор необходим. Нельзя всю зиму питаться сеном, кое-как смолотой мукой, яблоками да складированными в подвале овощами с огорода. Да и Мегатавель с Джимми полезно похлебать мясного бульона. Шкуры, топленый жир тоже нужны, даже кости пойдут в дело.

Но кого выбрать?

Джорджина не очень ему нравилась, зато она пригодится для разведения потомства. Веселую Джой? Тычущуюся мордой в его ладонь Мэри? Кокетку Марджи? Пугливую Джерри? Храбрую Эленор? Кого из своих подруг он сегодня пустит на еду?

Кончай, одернул он себя. *Ты все давно решил.*

Брок свистом позвал Джо и открыл ворота загона. Закончившие кормежку и бредущие обратно в хлев овцы поглядывали на него с любопытством.

– Приведи мне Психею, Джо.

Пес сорвался с места медной стрелой. Мегатавель вышла из курятника и спокойно ждала, держа в руке нож.

Джо толкнул носом Психею. Овца глянула на него с робким удивлением. Пес гавкнул – четкий, холодный звук – и слегка прихватил ее за бок. Овца трусцой выбежала за ворота и остановилась, оглядываясь на хозяина.

– Сюда, девочка моя.

Брок закрыл ворота и загнал Психею за угол курятника, где ее не могло видеть стадо.

Свиньи, те были привычны и умны, в прежнее время они не раз наблюдали, как режут их собратьев. Но овцы ничего не знали. Брок просчитал: если во время зимы некоторых из них уведут, и они больше не вернутся, то остальные примут это как должное и не станут волноваться. Раз уж человеку приходится жить за счет домашних животных, то следовало бы привить им какую-нибудь религию, требующую принесения жертв.

Брока передернуло от этой мысли. На роль Молоха он не годился. Люди и без того достаточно злы, чтобы еще превращаться в богов-кровопийц.

– Иди сюда, Психея.

Овца спокойно смотрела на него, не пытаясь убежать. Брок снял рукавицы, она лизнула его потную ладонь теплым влажным языком. Он почесал ее за ухом, овца заблеяла и прижалась к его ногам.

Арчи внезапно осознал трагедию всех животных. Эволюция не приспособила их к интеллекту такого уровня. Человек с его руками и речью развивался как мыслящее существо, разум не создавал ему помех. Даже внезапно навалившееся бремя новых знаний не сломило его, потому как человеческий разум изначально не знал предела совершенства.

Но звери жили в гармонии с природой, подстраивались под великий ритм жизни за счет инстинкта. Ума им было дано ровно столько, сколько требовалось для выживания. Они были лишены дара речи, но не сознавали его отсутствие. Их не преследовали фантомы, смутные желания, одиночество или недоумение. И тут вдруг окунулись в безбрежность, совершенно для них не предназначенную, она выводила их из равновесия. Инстинкты животных, развитые сильнее, чем у человека, восставали против этого странного состояния, а не настроенный на волну общения разум попросту не мог выразить, что в этом было не так.

Сознание чудовищной безучастной жестокости происходящего сдавило Броку горло. В глазах немного потемнело, но он с дикой решимостью обошел овцу сзади, повалил ее на землю и запрокинул ей голову под нож. Психея слабо заблеяла, в глазах овцы мелькнул ужас предчувствия смерти. Обезьяна взмахнула ножом, ноги овцы пару раз дернулись, и она затихла.

– Возь... возьми ее сама, Мегатавель, – промямлил Брок, поднимаясь с колен. Ему почему-то стало трудно говорить. – Позови Ву-Ву, пусть поможет. У меня есть другие дела.

Он поплелся прочь, спотыкаясь на ходу. Джо и Мегатавель неуверенно переглянулись. Для них это была просто работа. Они не понимали, почему вожак плачет.

Глава 14

Когда пришел пророк, Ван Као был занят работой. Наступила зима, снег плотно укрыл землю вокруг деревни, но рано или поздно придет весна, надо будет пахать, а все быки разбе-

жались. В плуг придется впрягаться мужчинам, женщинам и детям. Ван Као желал облегчить их труд. В поисках подшипников он разбирал остановившийся без горючего трактор – единственное наследие коммунистов, как вдруг селяне подняли крик при виде едущего по полю незнакомца.

Ван Као со вздохом отложил инструменты. Пошарив в полумраке хижины, одновременно служившей кузней, он нашел винтовку и последнюю горсть патронов, накинул синюю стеганую фуфайку и вышел наружу. Винтовка стала его лучшим другом, помогла преодолеть несколько сотен миль после того, как армию разорвал мятеж и Ван Као сбежал домой. В окрестностях еще бродили солдаты коммунистических войск, не говоря уже о живущих разбоем голодных крестьянах. Никогда не знаешь, чего ожидать от чужого человека. Последний чужак прилетел на блестящем вертолете сообщить о создании нового правительства, которое всем дарует свободу. Правительство, однако, было далеко и немошно, поэтому, когда возникала необходимость, защищаться приходилось своими силами.

Соседи высыпали на улицу и ждали, дрожа от холода. У некоторых имелись такие же винтовки, как у него, остальные были вооружены ножами, дубинами и вилами. Из ноздрей валил белесый пар. За их спинами, у порогов, готовые броситься в укрытие, стояли женщины с детьми и старики.

Ван Као, прищурившись, посмотрел на снежное поле.

– Он там один. Я не вижу у него никакого оружия.

– Едет на осле и ведет в поводу еще одного, – заметил сосед.

Что-то здесь не так. Как он сумел укротить животных после великой перемены? У Ван Као по спине побежали мурашки.

К ним верхом приближался старец с доброй улыбкой на лице. Винтовочные стволы один за другим опустились. Старик был одет очень легко – по-летнему. Он подъехал к деревенским и приветливо поздоровался. Никто не спросил, что он здесь забыл, однако вопрос этот достаточно красноречиво читался в глазах всей деревни.

– Меня зовут У Си, – представился незнакомец. – У меня для вас благая весть, которая может принести вам пользу.

– Заходите, господин, – пригласил Ван Као. – Примите наше небогатое гостеприимство. Вы, должно быть, ооченели.

– Нет, почему же, – ответил старец. – Это часть моей вести. Человеку необязательно мерзнуть из-за отсутствия теплой одежды. Главное – научить свой ум, как не поддаваться холоду.

Гость перекинул ногу через шею осла и поклонился. Пробирающий до костей ветер ерошил кустистую седую бородку.

– Я лишь один из многих, – продолжал старик. – У нас был учитель, теперь мы ездим и сами учим других в надежде, что некоторые из наших учеников в свою очередь станут проками.

– И чему же вы учите, господин? – спросил Ван Као.

– Всего лишь тому, как правильно использовать разум. Мой учитель занимался наукой в Феньчжоу. Когда наступила великая перемена, он понял, что она повлияла на то, как люди думают, и начал искать способы приложения новых способностей. Наше начинание – не более чем первый скромный шаг, однако мы посчитали, что он принесет пользу миру.

– Мы все теперь способны думать свободнее и сильнее, господин.

– Да, я нахожусь среди достойных людей, и все же мои скромные слова, возможно, заключают в себе нечто новое. Вспомните, сколько раз разум и воля подчиняли себе телесную немощ. Вспомните, как люди сохраняли жизнь во время болезни, голода и тягот, которых не смог бы пережить ни один зверь. И подумайте, насколько сильнее могла бы быть эта способность, если бы только человек умел ею пользоваться.

– Да, – с поклоном сказал Ван Као, – я вижу, что вы победили зимний холод.

– Никакой холод не страшен человеку, научившемуся согревать свою кровь, заставляя ее быстрее двигаться. Это еще мелочи. – У Си пожал плечами. – Возвышенный ум способен проделывать с телом множество вещей. Я могу, например, показать вам, как остановить кровотоечение и сделать так, чтобы рана не болела, как разговаривать и подружиться с животными, как запомнить любую мелочь, которую вы видели или слышали, отключать все чувства и желания, оставляя только те, которые разум считает добрыми, научить душу говорить с душой другого человека, не открывая рта, мысленно представлять себе реальный мир, не прибегая к пустым фантазиям. Все это, на мой скромный взгляд, принесет вам в будущем большую пользу.

– Воистину принесет, уважаемый господин, и нам следовало встретить вас достойнее, – благоговейно произнес Ван Као. – Не отужинаете ли с нами?

Хотя благая весть пришла так обыденно, для деревни наступило великое время. Ван Као подумал, что великое время вскоре наступит и для всего мира. Он попробовал вообразить, каким мир будет через десять лет, и даже его спокойную душу охватил нетерпеливый азарт.

* * *

Небо за иллюминаторами состояло из льда и мрака, в ночной стихии были рассыпаны миллионы голубоватых, как иней, солнц. Млечный Путь струился, точно светящаяся река, на фоне бесконечности выделялась громада Ориона, повсюду царили холод и безмолвие.

Космос окружал корабль, как океан. Земное светило постепенно затерялось в бесконечности, остались только ночь, тишина да колоссальная сияющая красота небес. При виде звезд – страшно далеких пылающих гигантов – душа Питера Коринфа оробела. Вокруг простиралось космическое пространство, безбрежное, превосходящее все представления, мириады миров, каждый со своей особенной тайной. *Может быть, ты должен найти Бога.* Ну что ж. Возможно, он Его нашел. Или, по крайней мере, нашел нечто большее самого себя.

Вздыхнув, Коринф повернулся к металлическому теплу кабины, радуясь, что хотя бы она не бесконечна. Льюис смотрел на показания приборов и жевал потухшую сигару. Круглое раскрасневшееся лицо напарника не выражало ни малейшего благоговения. Он мурлыкал себе под нос какую-то мелодию, но Коринф знал, что великая стужа за бортом не обошла стороной и его товарища.

Биолог едва заметно кивнул. (Все идет как по маслу. Пси-привод, смотровые экраны, искусственная гравитация, вентиляция, сервомеханизмы – хороший кораблик нам достался!)

Коринф опустился в кресло, сложив пополам долговязую фигуру и обхватив колени руками. Полет к звездам был самым великим свершением в истории человечества. Он гарантировал, что история никогда не закончится, что человек не зачахнет на своей маленькой планетке. Однако лично Питер не чувствовал восторга покорителя космоса. Задача была слишком грандиозна для фанфар.

Нет, умом он, конечно, всегда понимал, что безбрежность космоса не поддается воображению, но это понимание дремало в сознании мертвым грузом, лишенное красок, вроде представления о десяти в надцатой степени. Теперь же она стала частью его самого. Он впустил ее в свою жизнь, и жизнь уже никогда не будет прежней.

Ведомый силой намного мощнее реактивной, освобожденный от эйнштейновских скоростных ограничений, космический корабль реагировал на массу всей вселенной. К перемещению в пространстве со скоростью выше световой само понятие «скорость», строго говоря, уже не подходило. Вероятное положение корабля менялось загадочным способом, для описания которого понадобилось создать новый раздел математики. Корабль генерировал собственное псевдогравитационное поле, горючим служила сама масса – любая масса, расщепленная в энергию, девять на десять в двадцатой степени эрг на грамм. Смотровые экраны, компенсирующие доплеровский эффект и абберации, демонстрировали зарево космоса, которое глаз

человека был бы не в состоянии увидеть без помощи приборов. Корабль нес в себе, лелеял и питал сгусток уязвимого органического вещества, члены экипажа путешествовали наподобие богов и в то же время с очевидной и отрезвляющей ясностью сознавали свою бренность.

При всем при том корабль имел незаконченный вид. Торопясь за несколько месяцев наверстать то, что упускали в течение тысячелетий, его создатели отказались от многого, что можно было установить – компьютеров и роботов, которые сделали бы корабль полностью автоматическим. Люди на борту были способны вести подсчеты в своем изменившемся уме с такой же скоростью, как и любая существующая машина, решать дифференциальные уравнения с частными производными высшего порядка и таким образом вводить нужные поправки для системы управления. Проект осуществлялся с головокружной скоростью; все понимали: новому человечеству срочно требуются новые рубежи. Следующий корабль будет не таким, разницу определят данные, которые они привезут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.